

Глава 2. Социологический анализ коррупции

Если экономика, как увидит читатель в следующей главе, довольно интенсивно изучает коррупцию, то социология по большей части обходит ее стороной. Это странно: ведь коррупция явление социальное. Еще на заре научного изучения коррупции возможностям социологии был вынесен приговор. Первая более или менее значимая публикация – книга С.Алатаса «Социология коррупции» относится к 1968 г.¹ Главным образом, она была посвящена полемике с идеями о возможных положительных эффектах коррупции, появившимися в публикациях того времени². Характерно, что книга Алатаса открывается следующим утверждением: «Принятые и широко используемые методы исследования, такие как анкетирование, интервью, статистический анализ, не могут быть применены в данном случае (при изучении коррупции), пока мы учитываем, что коррупция есть теневое взаимодействие между людьми». Таким образом, автор видит единственную возможность – наблюдение за конкретными случаями (странами). Но здесь возникает другая трудность, на которую указывает автор – время, поскольку «полный цикл развития коррупции требует времени, прежде чем ее разнообразные разветвления станут доступны для наблюдения». Не удивительно поэтому, что на пренебрежение коррупцией в социологии указывается в одной из немногих более поздних публикаций по этой теме³.

¹ См.: Alatas S.H. *The Sociology of Corruption*. – Singapore: Donald Moore Press Ltd., 1968. То, что в книге практически не было социологии, проявилось в изменении названия книги при повторном издании: Alatas S.H. *The Problem of Corruption*. – Singapore: Times Books International, 1986. (Ниже идут ссылки на это последнее издание.) Вместе с тем, надо отметить, что работа Алатаса внесла весомый вклад в осмысление феномена коррупции.

² См., например: Weiner M. *The Politics of Scarcity*. University of Chicago Press, Chicago: 1962. Leff N.H. *Economic Development through Bureaucratic Corruption / The American Behavioral Scientist*. Vol. VII, No.2, 1965. Bailey D.H. *The Effects of Corruption in a Development Nation / The Western Political Quarterly*. Vol.19, Dec. 1966.

³ См.: Hodgkinson P. *The Sociology of corruption: some Themes and Issues//Sociology*, 1997. Vol. 31, No. 1, pp. 17-35.

при изучении коррупции. Более того, мы покажем, что он просто необходим при диагностике коррупции, а без нее невозможно проектирование антикоррупционной политики. Сверх того, социологический анализ коррупции подводит нас к проблемам крайне важным и выходящим за проблематику собственно коррупции.

Социологический анализ коррупции крайне молод. Поэтому то, что вы прочтаете в этой главе, по большей части следует рассматривать не как «финальное знание», а как «кроки» для собственных будущих изысканий. И начнем мы с анализа возможных методов эмпирического изучения коррупции. Главное внимание будет уделено методам измерения коррупции. Причина очевидна – научное знание может развиваться только в той мере, в какой возможно измерение изучаемых объектов.

§ 2.1. Методы эмпирического изучения коррупции

Если отвлечься от чисто академического интереса к проблеме коррупции и сосредоточиться на важной практической задаче формирования и реализации антикоррупционной политики, то изучение коррупции следует приравнять к военной разведке, без которой невозможно эффективное наступление. Врага надо знать, планируя наступательные операции; его надо постоянно изучать, чтобы понимать, правильно ли и эффективно реализуется антикоррупционная политика. Ведь коррупция обладает уникальными адаптивными способностями. Она видоизменяется и приспособливается не только под воздействием антикоррупционной политики, но и сама по себе, в процессе изменений управленческих функций, политических и общественных условий и т.п. Поэтому антикоррупционная политика должна включать *мониторинг коррупции*, который, в свою очередь, должен обладать диагностическими возможностями. Тогда будет возможна постоянная

приспособление к изменяющимся условиям и видоизменяющейся коррупции. Поэтому ниже, говоря об эмпирических методах изучения коррупции, мы будем иметь в виду практическую направленность этого изучения как средства мониторинга объекта антикоррупционной политики, имеющего две стратегические цели: обеспечение обратной связи и диагностику.

С этой точки зрения изучение коррупции должно решать следующие *задачи*:

- изучение общепринятых коррупционных практик (как у взяточников, так и среди взятодателей);
- вскрытие механизмов коррупционных сделок (от разовых до построения коррупционных сетей);
- измерение уровня коррупции;
- измерение структуры коррупции (по уровням и институтам власти, отраслям экономики и т.п., поиск «слабых мест»);
- анализ факторов, способствующих коррупции;
- выявления ресурсов антикоррупции;
- выявление рисков антикоррупции и очагов возможного сопротивления антикоррупционной политике.

Решение поставленных выше диагностических задач может осуществляться с помощью следующих *инструментов*:

- анализ функционирования органов власти;
- изучение статистики (экономической, криминальной и т.п.);
- изучение конкретных уголовных дел;
- анализ законодательства;
- анализ прессы;
- социологические техники (включенное наблюдение, интервью, фокус-группы, формализованные интервью и т.п.)

Ниже приводится Таблица 2.1.1, позволяющая увидеть соответствие между задачами и инструментами изучения коррупции.

Таблица 2.1.1. Соответствие между задачами и инструментами мониторинга (диагностики) коррупции*

Задачи мониторинга	Инструменты мониторинга					
	Анализ функционирования органов власти	Изучение статистики	Изучение уголовных дел	Анализ законодательства	Анализ прессы	Социологические техники
Изучение общепринятых коррупционных практик (как у взяточников, так и среди взяточдателей)						
Вскрытие механизмов коррупционных сделок (от разовых до построения коррупционных сетей)						
Измерение уровня коррупции						
Измерение структуры коррупции (по уровням и институтам власти, отраслям экономики и т.п., поиск "слабых мест")						
Анализ факторов, способствующих коррупции						
Выявление ресурсов антикоррупции						
Выявление рисков антикоррупции и очагов возможного сопротивления антикоррупционной политике						

* Если некоторый инструмент (столбец) может быть пригоден для решения соответствующей задачи (строка), то клетка, образованная пересечением этих столбца и строки затенена.

Таблица 2.1.1 позволяет увидеть, например, что на такую задачу, как «Анализ факторов, способствующих коррупции» работают все перечисленные инструменты. Однако это самая сложная и ответственная из задач, поскольку, в первую очередь, на нее опирается планирование антикоррупционной политики.

Кроме того, разноплановость коррупции как явления приводит к тому, что для анализа ее причин нужны все доступные инструменты. Из таблицы видно также, что социологические техники применимы для решения всех перечисленных задач изучения коррупции. Это не удивительно, поскольку, речь идет не только о традиционных опросах общественного мнения. Вместе с тем, такой инструмент, как «Анализ законодательства» применяется для решения только одной задачи. Но важность этой задачи и решающая роль законов как потенциальных факторов, способствующих коррупции, делают этот инструмент крайне важным. Поэтому ему посвящена ниже специальная глава.

Ниже кратко описаны возможности использования остальных инструментов. Возможности социологических методов будут обсуждаться в отдельных параграфах.

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Напомним, что коррупция, с одной стороны, является следствием дисфункций бюрократической машины, а, с другой, – сама приводит к дисфункциям в силу победы частного интереса над интересом организации (органа, предприятия, учреждения и проч.). С этой точки зрения при анализе функционирования конкретной организации важно анализировать следующие позиции:

1. Как ставится задача перед данной организацией (соответствие общественным интересам, ясность, открытость, реализуемость, контролируемость).
2. Как осуществляется внешний контроль за реализацией задач, поставленных перед организацией.

3. Какие ресурсы и полномочия передаются организации для решения поставленных задач.
4. Как осуществляется внешний контроль использования ресурсов и полномочий данной организации.

Нетрудно видеть, что перечисленные выше пункты точно соответствуют описанной в главе 1 агентской модели. В соответствии с традиционными принципами иерархического построения бюрократических организаций поставленные перед ними задачи и переданные ресурсы и полномочия дробятся и перетекают внутри организации на нижние уровни бюрократической иерархии. Это значит, что анализ по четырем перечисленным позициям должен повторяться при анализе внутреннего функционирования организации. При этом следует учитывать, что коррумпии в организации могут способствовать следующие причины:

- расплывчатость целеполагания;
- закрытость целеполагания;
- формулировка целей и задач в категориях и терминах, затрудняющих контроль реализации;
- закрытость распределения ресурсов и полномочий;
- слабый контроль за распределением и использованием ресурсов и полномочий;
- неоправданные дискреционные полномочия.

Из работ, посвященных «бюропатологии» в организациях⁴, следует, что в конфликте интересов между интересом принципала и частным интересом агента победа частного интереса обуславливается не только личными чертами конкретного должностного лица, но и структурно-функциональными особенностями организаций, сформированными системами взаимоотношений, традициями и т.п. Такие свойства организаций, как обезличенные правила, излишняя

⁴ См.: Crozier M. The Bureaucratic Phenomenon. Chicago: University of Chicago Press. 1964; Hummel R. The Bureaucratic Experience, 2-nd ed. New York: St. Martin's. 1982.

централизация решений, неэффективные коммуникации между иерархическими уровнями, групповое давление на работников, развитие отношений господства, не только приводят к коррупции, но и одновременно понижают способность организации самостоятельно выявлять и устранять свои дисфункции.

Таким образом, помимо собственно выявления коррупционеров в организациях, целесообразно регулярно проводить анализ функционирования организаций по специально разработанным *диагностическим методикам*, направленным на анализ перечисленных выше факторов и выявление указанных дисфункций. Регулярное проведение таких диагностических проверок будет образовывать подсистему организационного мониторинга коррупции.

ИЗУЧЕНИЕ СТАТИСТИКИ

Бытующий термин «объективная статистика» нередко вводит в заблуждение. Например, полагают, что статистика уголовных дел (в т.ч. отнесенных к коррупционным) может характеризовать уровень коррупции. К сожалению, это не так, и в этом виновата не статистика, а то обстоятельство, что показатели такого рода зависят не только от уровня преступности (коррупции), но и от эффективности противодействия коррупции, а также от того, какие преступления статистика относит к коррупционным. Поэтому данные «объективной» уголовной статистики не могут привлекаться для мониторинга коррупции напрямую. Однако они могут привлекаться для совместного анализа с другими данными (социологическими, анализом прессы и т.п.). Кроме того, статистические данные крайне важны для анализа причин коррупции.

Данные международной статистики могут использоваться для установления места России среди других стран по уровню коррупции и по характеристикам, соответствующим факторам, способствующим коррупции. Сравнительный анализ различных стран по уровню

коррупции проводят различные организации. Об этом будет подробно рассказано в следующем параграфе.

ИЗУЧЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Постоянное изучение уголовных дел по коррупции – мощнейший информационный ресурс для изучения коррупции. Однако он будет эффективным при двух условиях. Первое – унификация систем статистики и отчетности всех правоохранительных органов, прокуратуры, судов. Второе – систематичность и полнота сбора информации, дополняемая доступом к ней для решения информационных и аналитических задач. Последнее возможно при создании централизованной базы данных уголовных дел по коррупции. Ниже приводится описание возможной структуры такой базы данных.

АНАЛИЗ ПРЕССЫ

Как следует из Таблицы 2.1.1, такой анализ обладает богатым информационным потенциалом для мониторинга коррупции. Однако этот потенциал может реализоваться только при наличии *реальной свободы слова в стране*. В данном случае свобода слова выступает не в качестве ценностной категории, а в качестве необходимого технологического условия любой антикоррупционной политики. Если верховная власть в стране намерена противодействовать коррупции, предпринимает для этого определенные шаги, намерена контролировать эффективность своих шагов, то она должна осознавать, что бюрократический контроль в коррумпированной стране всегда коррумпирован, а потому бесполезен. Следовательно, остается единственная возможность – гражданский контроль, который не осуществим без свободной прессы. Как и в случае анализа уголовных дел, сведения о публикациях, посвященных коррупции, целесообразно собирать в базу данных, которая была бы доступна для специалистов, журналистов и всех интересующихся.

§ 2.2. Разновидности проявлений коррупции

Прежде чем продолжить изучение социологических подходов к изучению и диагностическому измерению коррупции, нам понадобится усовершенствовать язык, с помощью которого мы сможем описывать различные проявления коррупции. В этом параграфе мы рассмотрим различные проявления коррупции на разных уровнях социального порядка, начиная с нижнего – рутинных коррупционных взаимодействий.

Хорхе Луи Борхес в одном из своих сочинений приводит следующую древнюю китайскую классификацию животных:

«Животные подразделяются на: а) принадлежащих императору; б) набальзамированных; в) дрессированных; г) молочных поросят; д) сирен; е) сказочных; ж) бродячих собак; з) включенных в данную классификацию; и) дрожащих, как сумасшедшие; к) неисчислимых; л) нарисованных самой лучшей верблюжьей кисточкой; м) других; н) тех, которые только что разбили цветочную вазу и о) тех, которые издавна напоминают мух».

Это изумительное произведение человеческого разума – убедительное подтверждение того, насколько сложен окружающий нас мир, насколько трудно его познать и упорядочить. И, в очередной раз, мы напоминаем, что тем же свойством обладает разнообразие проявлений коррупции. Ниже мы рассмотрим несколько классификаций коррупционных действий, позволяющих взглянуть на коррупцию с разных точек зрения, выявляющих разные функциональные особенности коррупции. При этом, как говорилось в § 1.5, мы ограничиваемся коррупцией, в которой принципалом выступают органы власти, и не рассматриваем коррупцию в корпорациях или других организациях, не связанных агентскими отношениями с государством. Кроме того, часто это будут не простые, а иерархические классификации, т.е. классификации, образованные сочетанием двух классификаций. При описании классификаций мы

начнем с тех, которые связаны с высоким уровнем социального порядка, и затем будем спускаться до уровня социальных взаимодействий.

«ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ» КЛАССИФИКАЦИИ

Таким термином здесь называются классификации, характеризующие в общих чертах состояние коррупции в стране в целом или группе стран. Сначала рассмотрим простую классификацию, предложенную Алатасом⁵. Предложенные им три класса характеризуют коррупцию по масштабу и характеру. Алатас трактует их также как возможные *стадии* роста коррупции. Вот эта классификация:

- I. Коррупция сравнительно ограничена и не имеет влияния на обширные сферы социальной жизни. Коррупция в основном сосредоточивается на верхнем уровне.
- II. Коррупция становится весьма распространенной и охватывает все сферы жизни. Почти все делается с помощью взяток.
- III. Коррупция разрушает общественный строй.

Хайденхаймер⁶ рассматривает четыре культурных типа, в рамках которых различается коррупция.

Система, основанная на традиционных семейственных (родственных) отношениях. Такие отношения развиваются в замкнутых общинах архаичного толка. Иллюстрацией таких отношений может служить Пример 4 из § 1.2.

Система, основанная на традиционных отношениях «патрон-клиент». В качестве примера автор приводит общины Сицилии и Греции. Существовая до сих пор, они все еще остаются пленниками структур веры и власти, уходящих корнями в отдаленное прошлое. Защита здесь ищется за пределами семьи. Однако в сознании

⁵ См.: Syed Hussein Alatas S.H. The problem of corruption. Singapore: Pang Guck Cheng, 1986. P.25.

⁶ См.: Arnold J. Heidenheimer. Perspectives on the Perception of Corruption //Political Corruption. PP. 141-154.

простых крестьян могущество сверхъестественного святого патрона или патрона из высшего класса смешивается, неопределенно переходя друг в друга. Связи с могущественным защитником сильны, идентификация с общиной слаба. Посредством клиентистских отношений, которые, в отличие от соседских отношений, базируются на свободном выборе сторон, развивается сильное чувство взаимных обязательств. Сверх взаимности глава семьи связывает свою и своей семьи голосовательную поддержку с усмотрением патрона. Клиент поддерживает зависимость от патрона, поскольку он ощущает нужду в поддержке, которую ему не может обеспечить ни семья, ни государство. Такого рода коррупция иногда называется в литературе *патриархальной*.

Система, основанная на современных отношениях «лидер-последователь». Эта система характерна для работы «политических машин» большого американского города в нормальное (т.е. не слишком скандальное) время в первой половине XX века. Частично это сохранилось и сейчас в небольших городах. В России такая система имеет весьма широкое распространение. Эти общности отличаются от обсуждавшихся в предыдущей категории тем, что они являются широко открытыми урбанизированными центрами, основанными на дифференцированной экономике. Традиционно легитимизированные социальные и бюрократические элиты не имеют здесь значимого прямого влияния, поскольку «политическая машина» осуществляет решения и единственно важный вопрос, кем она возглавляется «политиком игры» (game politician) или «политиком выгоды» (gain politician). Однако многие аспекты отношений «лидер-последователь» создаются по образцу клиентистских отношений в традиционной ситуации. Поскольку эти сообщества являются современными, они стимулируют изменения и адаптируются к ним. Таким образом, отношения политического обмена имеют тенденцию основываться на, во-первых, модели социального обмена и, во-вторых, на модели

экономического обмена. В этой современной обстановке становятся доминирующей более гибкие и адаптивные экономические отношения.

Система, основанная на отношениях гражданской культуры.

Эта система отношений политического обмена превалирует в средних городах и пригородах Западной Европы и США в условиях развитого гражданского общества. Граждане не ощущают потребности действовать посредством влиятельных посредников для получения преимуществ закона или реализации административных программ. Они развили сильную систему общественно одобряемых норм, поддерживаемую жизнеспособными добровольными ассоциациями, которые вознаграждают своих добровольных активистов в большей степени знаками морального одобрения, нежели деньгами или чем-то эквивалентным. Отношения политического обмена следуют модели диверсифицированного непрямого социального обмена. Грубая политическая взаимность на экономической основе, наподобие взяток, возникает очень редко. Политические обязательства в той мере, в какой они по-прежнему основываются на техниках экономического обмена, принимают изо щренные и респектабельные формы, среди которых: благодарственные обеды, гонорары юристам, контракты с консультантами, взносы в избирательные фонды. Такие сообщества «чисты», поскольку политические лидеры не ограничены взаимными соглашениями со своими сторонниками из высшего класса.

Следующая, «географическая» классификация обобщает многие наблюдения исследователей коррупции. Ее «континентальная» привязка не должна восприниматься как попытка унижения национального достоинства кого-либо, поскольку на каждом континенте можно найти примеры реализации моделей, поименованных в данной классификации названием другого континента.

Западно-европейская модель. Для нее характерен низкий уровень коррупции, которая воспринимается обществом как явная

аномалия, сопряженная с нарушением закона (класс I по Алатасу). Этому способствует традиция, в которой высока доля гражданской культуры по Ходкинсону.

Часто коррупцию такого типа называют *экономической*. При этом имеется в виду, что коррупция является разновидностью теневых услуг. Коррупционные сделки случайны и редки. Постоянные коррупционные связи возникают еще реже и глубоко конспирируются.

Азиатская модель. Коррупция – привычное и общественно-приемлемое культурное и экономическое явление, связанное с историей, традициями, обуславливавшими функционирование государства. Эту разновидность коррупции, в отличие от предыдущего случая, можно назвать социальной. Это означает, что коррупционные отношения теснейшим образом переплетены с другими социальными отношениями: семейными, земляческими, этническими, корпоративными и т.п. Здесь работают укорененные традиции. Следуя Jain⁷, можно напомнить о практике *бакшиша* в Средней Азии или о Guanxi – практике выстраивания долгосрочных деловых и политических отношений, бытующей в некоторых восточно-азиатских странах, и базирующейся на обмене дружескими связями.

Долгое время Россия в той или иной степени соответствовала этой модели. Начало модернизации способствовало вытеснению ее западной моделью. Однако рост коррупции и культурно-исторические традиции привели к возврату азиатской модели. Тем не менее две перечисленные ниже возможности для нас также не закрыты.

Африканская модель. Власть продается «на корню» группе основных экономических кланов, договорившихся между собой (или сливается с ними), и политическими средствами обеспечивает надежность их существования. Переход к этой модели возможен при следующих условиях:

- политическая власть в стране остается неконсолидированной;

⁷ См.: Jain A. K. Corruption: a Review / Journal of Economic Surveys, Vol. 15, No 1, 2001, pp. 71-121.

- финансово-бюрократические группы под давлением инстинкта самосохранения прекращают противостояние и договариваются;
- формируется олигархический консенсус между консолидированными финансово-бюрократическими группами и частью политической элиты.

Для страны это означает использование демократических процедур в качестве камуфляжа; экономика примитивизируется, удовлетворяя только самые основные потребности населения во избежание социальных потрясений и обеспечивая интересы узкой олигархической группы. В классификации Алатаса это коррупция в промежутке между вторым и третьим классами.

Латиноамериканская модель. Попустительство коррупции дает возможность теневым и криминализированным секторам экономики достигнуть могущества, соизмеримого с государственным. Спohватившаяся власть оказывается на десятилетия втянутой в жесткое прямое противостояние с мафией, ставшей государством в государстве. Экономическое благополучие становится задачей не только недостижимой, но даже второстепенной на фоне других проблем. Постоянная политическая нестабильность увеличивает шансы установления диктатуры на волне борьбы с коррупцией, а вслед за этим возрастает вероятность перехода к африканской модели.

Следует подчеркнуть, что, как обычно, приведенные выше классификации описывают «идеальные типы», которые в реальной жизни могут реализовываться в виде различных смесей.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПО СТРАТЕГИЯМ ГРУППОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Теперь с уровня стран спустимся на более низкий уровень социально порядка и поговорим о проявлениях коррупции как *стратегиях поведения больших социальных групп*. Имеется в виду, что члены общества, схожие некими общими признаками, условиями существования, встающими перед ними проблемами, выбирают

сходные модели поведения. Они распространяются, демонстрируя другим свою эффективность в этих условиях, и закрепляются укореняющимися и воспроизводящимися практиками поведения. Эта укорененность и эффективность фактически институализируют такие практики, закрепляя их появлением *теневых норм поведения*. Мы рассмотрим ниже три таких групповых стратегии.

Стратегия адаптации – самая распространенная. Граждане при решении своих бытовых проблем или предприниматели, преодолевающие проблемы своего бизнеса, компенсируют с помощью коррупции дефекты государственного регулирования. В некоторых случаях «покупка» посредством взяток государственных услуг есть стратегия компенсации дефицита услуг или низкого качества услуг, которые должны предоставляться государством. В других случаях взятка – способ преодолеть искусственно создаваемые препятствия, своеобразный теневой налог, плата за освобождение от навязывающего себя государства (чиновника).

Стратегия уклонения – следующая по распространенности. В этом случае она является продолжением правового нигилизма общества, о котором говорилось в предыдущей главе как об одном из факторов, способствующих коррупции. В этом случае взятка – плата за возможность нарушить закон или уклониться от некоторых обязанностей и обременений.

Следующая стратегия, которую мы рассмотрим, свойственна представителям бизнеса. Недавно выделенная, она получила название **«захват государства»** (state capture). Этим термином обозначают корпоративные и индивидуальные стратегии поведения бизнеса, направленные на установления теневого контроля за принятием властных решений, имея в виду и разные ветви власти, и разные

уровни власти (центральный, региональный и т.п.)⁸. К ней относится теневой лоббизм в органах власти, покупка президентских указов или постановлений правительства, установление коррупционного контроля над политиками и партиями и т.п.

Другая стратегия может быть названа «*захват бизнеса*» (business capture). Под этим можно понимать совокупность стратегий и тактик власти, с помощью которых власть в лице своих представителей или, даже, организаций, стремится обеспечить теневой контроль над бизнесом с целью коллективного и (или) индивидуального извлечения административной ренты⁹. В этом случае рента обеспечивается не получаемыми взятками, а непосредственно источниками, на которых они произрастают, – бизнесом и доходом от него.

Это две универсальные стратегии, поскольку в тех или иных размерах и формах они наличествуют всегда. Обе они являются проявлением общей стратегии борьбы за обладание ресурсом, которого нет (или не хватает) у одной стороны, но есть (имеется в избытке) у другой. Вместе с тем, захват государства и захват бизнеса рассматриваются как разновидности коррупции, в связи с тем, что эти стратегии реализуются посредством противозаконных или теневых средств. Универсальность этих стратегий проявляется и в том, что они реализуются соответствующими социальными группами всегда, во всех странах, но в разных формах и в разной степени.

КЛАССИФИКАЦИИ ПО ТИПАМ КЛИЕНТОВ

Спустимся ниже еще на один уровень и будем рассматривать теперь коррупционные отношения и коррупционные взаимодействия.

⁸ См.: Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition Economies (World Bank Policy Research Working Paper 2444), September, 2000. – J. Hellman, G. Jones, and D. Kaufmann.

⁹ См.: Разнообразие стран и разнообразие коррупции (Анализ сравнительных исследований). Аналитический доклад. – Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ). Москва, 2001 (http://www.anti-corr.ru/an_study.shtml).

Мы видели в § 1.3, что коррупционные действия агента могут осуществляться во взаимодействии с третьими лицами – клиентами. Структурируя разнообразие этих третьих лиц, мы получим первую классификацию коррупции. Естественно, в качестве вырожденного (простейшего) случая сюда войдет тот, в котором клиент отсутствует, т.е. агент извлекает выгоду из своего положения без посредников, злоупотребляя служебным положением. Типичный пример – растрата «казенных средств». Часто с этой разновидностью связывают понятие «злоупотребление служебным положением». Но злоупотребление всегда сопровождает любые коррупционные действия, поэтому здесь мы вводим для этой разновидности специальный термин – *монокоррупция*.

Все разновидности коррупционных действий делятся, прежде всего, на две категории – коррупция, сопровождаемая взаимодействием с клиентами, не являющимися в этой своей ипостаси должностными лицами, и клиентами, которые участвуют третьей стороной в коррупционных действиях, будучи должностными лицами. Первый случай мы называем *экзогенной коррупцией* (т.е. порожденной внешними факторами), а второй – *эндогенной коррупцией* (порожденной внутренними факторами).

Сделанная выше оговорка означает следующее. Представим себе работника пожарного надзора, остановленного инспектором ГАИ, когда первый возвращался со своей дачи домой. Давая взятку инспектору, работник пожарного надзора выступал не в качестве должностного лица, а в качестве рядового гражданина. Хотя в данном случае взаимодействуют два должностных лица, но только одно из них в этом взаимодействии является агентом в смысле определения коррупционного поведения (§ 1.3.). Поэтому данный случай относится к экзогенной коррупции.

В эндогенную коррупцию частным вырожденным случаем входит монокоррупция. Остальные случаи характерны тем, что

коррупционные действия осуществляются при сговоре нескольких агентов.

Существуют четыре логические возможности при таком сговоре. Первая – *горизонтальная коррупция*: в сговоре участвуют агенты, не находящиеся друг с другом в принципал-агентских отношениях. Это могут быть, например, представители разных ведомств или агенты, имеющие общего принципала. Типичный для России пример: губернатор дает взятку чиновнику Министерства финансов за «расположение» последнего. Тут важно отметить вот что: губернатор может находиться в зависимости от чиновника Минфина в силу решений, которые тот может принять. Но эта зависимость не порождается агентскими отношениями между ними. Очевидно, что у них разные принципалы.

Вторая и третья возможности – это *нисходящая коррупция* и *восходящая коррупция*: в этих случаях агент и клиент находятся одновременно в агентских отношениях либо непосредственно, либо через промежуточных принципалов, т.е. являются частью одной иерархической цепочки. При нисходящей коррупции клиентом, т.е. лицом, дающим взятку, является должностное лицо, находящееся выше в иерархии. При восходящей коррупции клиентом, т.е. лицом, дающим взятку, является должностное лицо, находящееся ниже в иерархии. (Эти два термина указывают на направление движения взяток: вниз или вверх). Рассмотрим теперь типовые примеры.

Восходящая коррупция очевидна, распространена и легко распознаваема. Под это определение попадают все случаи, когда должностные лица передают часть собранного ими коррупционного дохода вышестоящему начальству. Тем самым обычно покупается защита постоянного коррупционного дохода, которую может обеспечить начальство. Одновременно покупается лояльность этого начальства по отношению к коррупционной активности подчиненных,

поскольку на начальстве обычно лежит контрольная функция за выполнением подчиненными агентского соглашения.

Нисходящая коррупция менее очевидна. Действительно, зачем начальнику платить взятки своим подчиненным? Вот пример. Представим себе страну, молодую демократию, в которой губернаторы провинций избираются населением, а мэры городов назначаются губернаторами. Предположим, что губернатору в ближайшие месяцы предстоят перевыборы. Нас не удивит, что сей политический муж хочет воспользоваться для обеспечения своей победы административным ресурсом. Но его собственный ресурс частично раздроблен и передан вниз его агентам-мэрам. Например, губернатор не контролирует напрямую избирательные участки. Поэтому губернатору важно, чтобы мэры воспользовались на выборах своим административным ресурсом для победы на выборах именно его, действующего губернатора. Понятно, что использование административного ресурса на выборах – противозаконное действие. Поэтому для обеспечения лояльности мэров губернатор будет использовать теневые рычаги. Одному губернатор намекнет, что повлияет на прокурора, чтобы тот не возбуждал против мэра дело о злоупотреблениях властью. Другого соблазнит, издав распоряжение о передаче какой-нибудь собственности с провинциального уровня на муниципальный уровень, и т.п. Итак, губернатор будет использовать принадлежащую ему власть не для решения тех задач, которые поставил перед ним избравший его принципал – население провинции, а для своих корыстных целей – удержания власти любой ценой. При этом взятки, в различных, не обязательно денежных, формах передаются от принципала агентам. Значит – это *нисходящая эндогенная коррупция*.

Наконец, последняя, четвертая возможность – это *смешанная эндогенная коррупция*. Сам термин указывает на то, что взаимодействующие коррупционеры находятся друг с другом (в

разных сочетаниях) в разных отношениях из трех видов перечисленных выше. Таким образом взаимодействуют обычные *коррупционные сети* – группы коррупционеров, объединенных на долгосрочной основе для извлечения корыстной выгоды из своего положения.

Экзогенная коррупция может быть разбита на две крупные группы. Первую мы обозначим как *бытовая коррупция*. В этом случае в качестве клиентов выступают граждане, вступающие во взаимодействие с властью. Сюда относится коррупция в государственных вузах и медицинских учреждениях, в военкоматах и автоинспекциях, в учреждениях социального обеспечения и отделениях милиции. Понятно, что перечислены далеко не все разновидности бытовой коррупции. Ко второй группе относится *деловая коррупция*, в которой в качестве клиентов выступают представители негосударственных организаций (юридических лиц). Это могут быть представители бизнеса, общественных организаций или других организаций, не являющихся властными органами (иначе мы попадем в сферу эндогенной коррупции). Важно, что, взаимодействуя с должностными лицами и вступая с ними в коррупционные сделки, эти представители отстаивают интересы своих организаций. Например, если владелец ресторана вечером на пути домой остановлен автоинспектором, то взятка последнему должна быть отнесена к бытовой коррупции. Если тот же владелец ресторана дает взятку представителю санэпидемнадзора, пришедшему в ресторан для очередного «осмотра», то эта сделка относится, естественно, к деловой коррупции.

Деловую коррупцию можно, в свою очередь, делить на сферы, к которым принадлежат соответствующие организации. Мы можем говорить о коррупции в торговле, в нефтедобыче, в науке, в журналистике.

Есть, наконец, специфический тип клиентов, коррупционное взаимодействие которых с должностными лицами трудно отнести к одному из двух указанных выше видов коррупции. Это представители преступного мира. С этой целью можно выделить специальный вид экзогенной коррупции – *криминальную коррупцию*. В данном случае клиент является представителем преступного мира и его коррупционное взаимодействие с агентом предназначено для обеспечения интересов его криминальной деятельности. Милицонер, «сливающий» бандиту информацию о ходе расследования преступления его банды, вовлечен в криминальную коррупцию.

Следующая схема дает общее представление об описанных выше разновидностях коррупции.

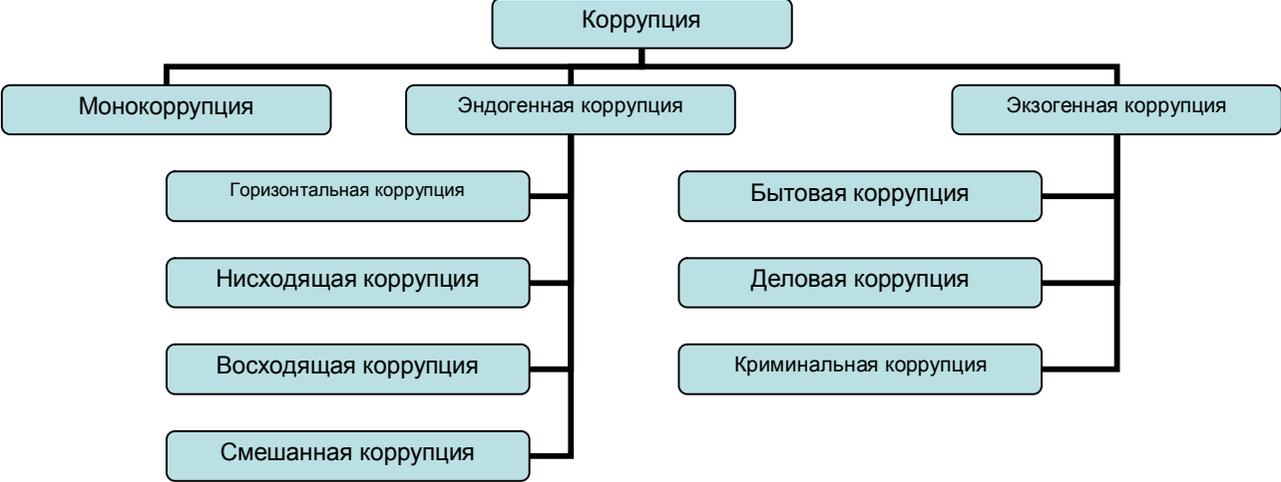

Рисунок 2.2.1. Иерархическая классификация коррупции по типам клиентов

КЛАССИФИКАЦИИ ПО ТИПАМ АГЕНТОВ

Выше разные проявления коррупции классифицировались по типам клиентов. То же самое можно сделать в отношении разнообразия агентов, вступающих в коррупционные сделки.

Здесь, прежде всего, различают *низовую коррупцию* и *верхушечную коррупцию*. Различение осуществляется на основании

уровня должностных лиц, принимающих решения и масштабов принимаемых решений. Причем второй критерий важнее. Например, высокое должностное лицо, скажем, заместитель министра, может, используя свое служебное положение, пристроить на невысокую должность в своем министерстве кого-то из дальних родственников¹⁰. Понятно, что этот случай может быть отнесен к низовой коррупции. Но если референт заместителя министра – чиновник небольшого ранга – за взятку повлияет на исход крупного государственного тендера, такая коррупция должна относиться к верхушечной. Следует сказать, что возможны случаи, когда какое-либо проявление коррупции будет трудно относить к одному из двух указанных видов.

В части, связанной с бытовой коррупцией, агенты – получатели взяток – могут классифицироваться по сферам государственных услуг, к которым прибегают граждане, взаимодействуя с государством. В этот перечень могут попасть, например:

- здравоохранение;
- образование;
- социальное обеспечение;
- охрана правопорядка;
- суды.

Ясно, что это не все возможные сферы соприкосновения граждан и государства. Кроме того, эти сферы могут также делиться на отдельные зоны. Например, образование может делиться на среднее и высшее.

Ниже различным сферам коррупционного взаимодействия граждан и государства будет приписываться термин *коррупционный рынок*. Использование этого термина имеет не только метафорический смысл. Конечно, особенно в сфере бытовой коррупции, в которой взяткодатель и взяткополучатель крайне редко вступают в долгосрочные коррупционные отношения, коррупционные сделки

¹⁰ Таковую разновидность коррупционных действий часто называют *непотизм*.

имеют многие признаки обычного рыночного обмена. Коррупция здесь превращается в своего рода рынок теневых услуг. Кроме того, читатель увидит в следующей главе, что разные сферы обладают разными свойствами, которые можно интерпретировать в традиционных экономических терминах спроса, цены товара, объема рынка и т.п.

В сфере *деловой* коррупции крайне важно, какой орган власти представляет агент, вступающий в коррупционное взаимодействие с клиентом. Это обстоятельство может порождать несколько классификаций, образованных разными основаниями, например:

- уровень власти;
- ветвь власти;
- орган исполнительной власти.

КЛАССИФИКАЦИИ ПО ТИПАМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АГЕНТА И КЛИЕНТА

Во всех случаях коррупционных взаимодействий, в которые вступают агенты и клиенты тех или иных типов, описанных выше, эти взаимодействия могут иметь различный характер. Можно рассмотреть несколько классификаций самих коррупционных взаимодействий. (Понятно, что речь идет сейчас об эндогенной коррупции.)

Первая классификация крайне проста, но вместе с тем очень важна. В соответствие с ней все взаимодействия делятся на две категории: первая – *кратковременное взаимодействие*; вторая – *долговременное взаимодействие*.

Примерами кратковременных коррупционных взаимодействий может служить взятка автоинспектору на дороге или оплата услуг репетитора, в которую входит взятка за прием в вуз независимо от качества подготовки абитуриента. В первом случае взаимодействие длится минуту, во втором – месяц. Но в обоих случаях речь идет о разовом взаимодействии, после которого стороны забывают друг о друге. Для таких взаимодействий уместно использовать термин *коррупционная сделка*.

Теперь приведем примеры долговременных коррупционных взаимодействий. Первый пример: коррупционная связь между наркодилером и сотрудником районного отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Второй пример: связь между руководством крупной компании и высокопоставленным чиновником, занявшим свое место благодаря усилиям этой компании, лоббирующим на своем рабочем месте ее интересы. Мы видим, что в первом случае речь идет о низовой, а во второй – о вершущечной коррупции. В этих случаях уместно использовать термин *коррупционный контракт*, понимая, что контракт не обязательно должен фиксироваться на бумаге и заверяться нотариусом.

Теперь рассмотрим другую классификацию. Она будет образована как пересечение трех классификаций, одна связана с полномочиями агента, другая – с интересами клиента, третья – с характером инициативы. Рассмотрим эти классификации.

Многообразие полномочий (типов властных решений) агента можно классифицировать по-разному. Мы рассмотрим здесь следующую простую классификацию (предполагая, конечно, что возможны и другие):

- целеполагание, законодательство, планирование политики, подготовка и принятие стратегических решений. Примеры – теневой лоббизм, покупка президентских указов или постановлений правительства);
- распределение ресурсов. Типичный пример – распределение заказов на госзакупки, другой пример – распределение государственных субсидий (см. Пример 2 в § 1.2);
- оказание услуг. Примеры – регистрация прав собственности, оформление заграничных паспортов, оформление пенсии.
- контроль за соблюдением норм (пример – автоинспекция).

Интересы клиентов, прибегающих к коррупции для решения своих проблем, также чрезвычайно многообразны. Мы сведем здесь

все это многообразие к трем категориям, отражающим возможные мотивы, по которым клиенты решаются прибегать к коррупции. Вот они:

- *достижение*. Действия клиента в этом случае направлены на приобретение каких либо благ либо преимуществ (поступление в вуз, приобретение квартиры, получение выгодного заказа и т.п.);
- *избегание*. Действия клиента направлены на предотвращение ущерба, сопряженного с наложением предусмотренных законом санкций (административное или уголовное преследование), обременений (налоги) или обязанностей (служба в армии по призыву);
- *конкуренция*. Действия клиента направлены на нанесение ущерба третьему лицу (например – конкуренту). Классический российский пример – покупка услуг правоохранительных органов по созданию проблем для конкурентов. К этому же классу относится Пример 5 из § 1.2.

Характер взаимодействия при коррупционном взаимодействии с точки зрения активности сторон может быть описан тремя следующими категориями:

- А. активной стороной является агент. В частности, он может искусственно создавать условия, подталкивающие клиента к необходимости коррупционной сделки;
- В. активной стороной является клиент;
- С. ситуация стандартна, обе стороны предполагают, что их «встреча» закончатся коррупционной сделкой, по крайней мере, это трактуется как норма.

Теперь посмотрим, как соотносятся эти классификации при взаимодействии клиентов с различными мотивами с агентами, обладающими различными полномочиями. Это взаимодействие

иллюстрируется в Таблице 2.2.1. При этом мы предполагаем, что речь идет о стране с высоким распространением коррупции.

Таблица 2.2.1. Взаимодействие мотивов клиентов и полномочий агентов при коррупционных взаимодействиях. Затенены клетки, соответствующие не реализующимся (или крайне редким) сочетаниям. Номера в клетках проставлены для последующих комментариев. Буквы указывают на типичный характер инициативы при взаимодействии

Полномочия агентов	Мотивы клиентов		
	достижение	избегание	конкуренция
целеполагание и т.п.	1, В	2	3, В
распределение ресурсов	4, В, С	5	6
оказание услуг	7, А	8	9
контроль	10	11, С	12, В

Функцию целеполагания (и смежные с ней функции) власть осуществляет самостоятельно, ограничиваясь консультациями с обществом и учитывая его интересы. Поэтому здесь коррупция возможна только при наличии собственной активности клиентов. Клетка 1 соответствует случаю продвижения решений, которыми клиенты стараются обеспечить условия, благоприятные для них. Пример – получение налоговых льгот. Клетка 3 соответствует продвижению решений, препятствующих конкурентам. Пример – установление таможенных или иных ограничений для иностранного бизнеса. В обоих случаях мы имеем дело с захватом государства.

Распределение ресурсов и оказание услуг чаще всего корреспондируется с реализацией мотива достижения у клиентов. При оказании услуг (клетка 7) чаще всего формируются барьеры и дефицит услуг, которые побуждают клиентов прибегать к коррупции. Поэтому тут первична инициатива агентов. Однако это не исключает возможность иных вариантов в отдельных коррупционных сделках. При распределении ресурсов (клетка 4) первична инициатива клиентов. Однако при масштабной коррупции тендеры часто становятся

реализацией долговременных коррупционных связей с заранее планируемым исходом.

Сфера контроля чаще всего становится крайне коррумпированной (налоговые службы, таможня, автоинспекция и т.п.), в ней быстро формируется коррупционный теневой рынок со своими нормами, расценками и т.п. Поэтому здесь чаще всего реализуется ситуация презумпции коррупционных отношений (клетка 11). Клетка 12 соответствует случаю, когда бизнес по своей инициативе покупает услуги власти по преследованию конкурентов или перехвату чужой собственности (Пример 5 из § 1.2).

Указанные соотношения могут учитываться при планировании антикоррупционной политики и антикоррупционных программ в конкретных сферах и ведомствах.

§ 2.3. Международные индексы коррупции

Мы начнем с методов измерения коррупции, которые предназначены для сравнения друг с другом по уровню коррупции различных стран. Как будет видно из следующей главы, эти индексы активно используются в сравнительных исследованиях коррупции¹¹.

«Индекс восприятия коррупции» Transparency International

«Индекс восприятия коррупции» («Corruption Perceptions Index», далее CPI), разработанный специалистами Transparency International (TI) – международной общественной организации, занимающейся противодействием коррупции, является одной из наиболее известных разработок в области сравнительной оценки коррупции в разных странах. Это узкоспециализированный интегральный индекс, обеспечивающий ранжирование государств по уровню совокупной

¹¹ Здесь дается обзор общих подходов. Более подробные сведения, включая технику построения различных индексов, можно найти в докладе Фонда ИНДЕМ ««Разнообразие стран и разнообразие коррупции», размещенном на сайте Фонда (www.indem.ru).

коррупцированности – то есть учитывающий разные виды и формы коррупции.

CPI рассчитывается с 1995 года на основе анализа данных различных исследований, проводящихся независимыми институтами в различных странах мира. Количество государств, входящих в Индекс, зависит от наличия достаточного количества надёжной информации по конкретной стране. В 2002 году в CPI вошло 102 страны мира.

Приведем для начала выдержку из CPI 2002 года. При формировании данной таблицы было отобрано несколько стран из числа наименее коррупцированных (места 1 и т.д.), Россия и страны с сопоставимым уровнем коррупции (71 место в CPI 2002) и несколько стран с наибольшим уровнем коррупции (102 место наихудшее)¹².

«Балл индекса» отражает агрегированную оценку восприятия коррупции предпринимателями и аналитиками по данным серии различных исследований в одной стране, и оценивает его от 10 (коррупция практически отсутствует) до 0 (очень высокий). «Количество исследований» - количество исследований, проведенных в стране по этой проблеме. В общей сложности десятью независимыми организациями было проведено 15 исследований, для того, чтобы быть включенной в ИВК; каждое исследование должно проводиться в группе стран; в стране должно было быть проведено как минимум 3 опроса. «Стандартное отклонение» указывает на разброс в оценках различных источников внутри одной страны: чем выше эта величина, тем больше разница в восприятии коррупции в стране различными источниками. «Min/max» значение демонстрирует наивысшую и самую низкую оценки различными источниками.

¹² Полную версию CPI 2002 вместе с пресс-релизом на русском языке можно найти на сайте Transparency International по адресу: <http://www.transparency.org/>.

Таблица 2.3.1. Фрагменты данных Индекса восприятия коррупции (CPI) за 2002 г.

Место страны	Страна	Балл индекса	Кол-во исслед-й	Станд. отклонен.	Min/max балл
1	Финляндия	9.7	8	0.4	8.9 - 10.0
2	Дания	9.5	8	0.3	8.9 - 9.9
	Новая Зеландия	9.5	8	0.2	8.9 - 9.6
4	Исландия	9.4	6	0.4	8.8 - 10.0
5	Сингапур	9.3	13	0.2	8.9 - 9.6
	Швеция	9.3	10	0.2	8.9 - 9.6
71	Кот д'Ивуар	2.7	4	0.8	2.0 - 3.4
	Гондурас	2.7	5	0.6	2.0 - 3.4
	Индия	2.7	12	0.4	2.4 - 3.6
	Россия	2.7	12	1.0	1.5 - 5.0
	Танзания	2.7	4	0.7	2.0 - 3.4
	Зимбабве	2.7	6	0.5	2.0 - 3.3
98	Ангола	1.7	3	0.2	1.6 - 2.0
	Мадагаскар	1.7	3	0.7	1.3 - 2.5
	Парагвай	1.7	3	0.2	1.5 - 2.0
101	Нигерия	1.6	6	0.6	0.9 - 2.5
102	Бангладеш	1.2	5	0.7	0.3 - 2.0

CPI основывается на достаточно тщательно разработанной методике. Тем не менее, далее будет продемонстрировано, что не всех потенциальных проблем можно избежать, и многие аспекты методики оказываются на практике достаточно спорными. По ходу анализа методики построения CPI будут освещаться различные теоретические аспекты, по большей части имеющие универсальное значение для построения индексов и сравнительных исследований в сфере коррупции.

Первый и, быть может, самый принципиальный момент в трактовке CPI связан с использованием термина «восприятие», что указывает на возможную субъективность результата. Почему же авторы обратились именно к восприятию? Ответ на этот вопрос можно

получить, попытавшись ответить на вопрос об альтернативных источниках информации – своеобразное «доказательство от противного».

ООН в 1990-1994 годах проводила сравнительные исследования коррупции на основе сопоставления статистических данных из государственных источников. Эта работа столкнулась с определёнными сложностями. Во-первых, в законодательстве различных стран бытуют различные определения коррупции, что ведёт к неоднозначному пониманию самого явления. Поэтому более коррумпированными оказывались страны, где коррупция определялась шире. Во-вторых, государственные статистические данные зависят, как отмечалось выше, от интенсивности борьбы с коррупцией – чем она интенсивнее, тем больше фиксируется случаев коррумпированности. Поэтому коррумпированность была выше в странах, которые успешно с ней боролись, а не в тех, где о ней предпочитали молчать. Наконец, ещё одна проблема связана с природой такой информации: в основном, это статистика возбуждённых уголовных дел и уголовных дел с вынесенным обвинительным приговором суда. Вопрос в том, какие данные следует считать более точными. В первом случае есть опасность завышения, а во втором – занижения уровня коррумпированности.

Следовательно, как можно предположить, кроме субъективного восприятия, у нас практически нет иного источника информации по коррупции, который удовлетворял бы требованию межгосударственной сопоставимости. А этот аспект принципиален как для CPI, так и для других исследований.

Теперь проанализируем источники формирования CPI.

CPI рассчитывается на основе данных за последние три года. Так в CPI 2002 были использованы данные за 2000-2002 годы. В связи с этим «смещением» – каждый год на один год – мы сталкиваемся с

постоянным изменением списка используемых социологических опросов и, естественно, организаций, эти исследования проводивших.

К источникам данных для CPI предъявляются жёсткие требования. Они касаются, прежде всего, методического единообразия проведения исследований в разных странах. Это необходимо для обеспечения сопоставимости данных в рамках одного исследования. Необходимо отметить, что в качестве потенциальных источников использовались только те опросы, которые предоставляли ранжирование стран по уровню коррупции. Так в 2002 году в разработке CPI использовались исследования из 15 исследований, проведенных десятью организациями по всему миру.

Руководство TI при отборе источников отдаёт предпочтение регулярно проводящимся исследованиям. Причиной этого является тот факт, что сопоставление и усреднение результатов серии исследований позволяют снизить влияние потенциальной ошибки на общую динамику CPI. Источниками такой ошибки могут быть различные воздействия на общественное мнение, которые создают образ значительного изменения ситуации с коррупцией на «пустом» месте.

Другая принципиальная проблема, являющаяся следствием упомянутых особенностей подбора данных, – это сопоставимость результатов CPI разных лет. Это похоже на проблему построения индекса цен на основе потребительской корзины. Очень сложно сравнивать цены на ассортимент товаров, который всё время меняется. Точно так же и с CPI. Из-за постоянного изменения источников и методик сбора данных исходными организациями некорректно было бы сравнивать результаты ранжирования стран CPI 1999 и CPI 2002. Сами авторы CPI отмечают, что изменения в индексе могут быть вызваны не только изменениями в уровне коррумпированности, но и изменениями информационной базы, в том числе из-за смены методических принципов формирования первичных данных.

Помимо указанных временных ограничений сопоставимости социолого-статистических данных, использующихся для построения CPI, и, как следствие, ограниченной сопоставимости результатов CPI разных лет, существует и проблема смыслового наполнения понятия «коррупция».

В некоторых работах предлагается разделять коррупцию на непотизм (т.е. служебное покровительство родственникам и своим людям, кумовство, блат) и собственно финансовую, денежную коррупцию. Основания такого деления очевидны. Тем не менее, в данных исследованиях не проводится жёсткого разграничения между такими типами коррупции. Она рассматривается более или менее обобщённо. Также не производится жёсткого разграничения между административной и политической коррупцией. Исключением является лишь исследование Всемирного банка (World Bank – WB), которое базируется на предположении, что в некоторых странах доминирует высшая политическая коррупция, в то время как в других – низовая административная.

Ещё одна проблема связана с оценкой уровня коррупции. Проиллюстрируем её классическим примером. Рассмотрим ситуацию, когда 10% государственных служащих берут взятки 5 раз в год по 200\$, что приводит к получению взяточдателями выгоды в 1000\$ в каждом случае.

Вопрос в том, что считать уровнем коррумпированности:

- 1) частоту взяточничества – 10% государственных служащих 5 раз в год?
- 2) количество, объём взяток, получаемых одним взяточполучателями или всеми вместе?
- 3) потери для взяточдателей?.

Мы видим снова, что коррупция существенно многомерна. К этой проблеме мы будем возвращаться снова.

Кроме того, предположим, что несколько высших чиновников берут очень большие взятки, а на низшем уровне множество чиновников берут незначительные суммы. Очевидно, что наверху всё это делается реже, но в объёмах сопоставимых с суммой всех взяток на всех низших уровнях. Исследования Мирового банка показали, что на практике нет чёткой зависимости между уровнями развитости этих видов коррупции. Нельзя утверждать однозначно, что развитие одного вида коррупции возможно исключительно за счёт другого. Как это ни парадоксально, однозначно можно определить лишь полное отсутствие коррупции, которое недостижимо на практике. Поэтому при оценивании масштаба коррупции возникает множество проблем.

Необходимо признать, что среди источников CPI мы сталкиваемся с неоднородностью системы оценки уровня коррумпированности. То есть теоретически эти источники в чистом виде плохо поддаются сопоставлению. Тем не менее, достаточно высокая корреляция между различными источниками позволяет авторам CPI говорить о незначительности упомянутых различий.

Теперь проанализируем проблемы, возникающие из-за использования в CPI человеческого восприятия – субъективных оценок. Прежде всего, отметим, что часть опросов ориентирована на резидентов, то есть жителей данной страны. Очевидно, что они будут оценивать коррупцию, исходя из культурных установок, характерных для данной нации. Другая часть опросов ориентирована на эмигрантов и экспатриантов. В этом случае возможен своеобразный «диалог культур». Насколько существенны эти различия, авторы CPI предлагают судить нам, отмечая лишь высокий коэффициент корреляции между разноплановыми исследованиями.

Далее, необходимо выделить принципиальные различия между опросами общественного мнения и опросами экспертов. Очевидно, опросы экспертов менее подвержены опасности попасть под влияние различных средств манипулирования общественным мнением.

Эксперты обладают и большим объёмом информации, чем простые граждане. Проблема в том, что эта осведомлённость может быть смещена в сторону коррупции на высших уровнях власти, в то время как простые люди более осведомлены о низовой коррупции. Кроме того, эксперты могут быть предубеждены против определённых видов коррупции и, в то же время, могут рассматривать другие виды как менее значимые. Аналогично, общественное мнение может быть более лояльным по отношению к мелкому взяточничеству и злоупотреблениям.

Кроме уже упоминавшихся особенностей, можно выделить ещё два вида предубеждений, возможных при проведении опросов общественного мнения по вопросам коррупции. Если опрашиваются жители одной страны, то они могут завысить или занижить уровень коррупции в ней из-за культурных особенностей восприятия. Но для этой проблемы есть решение: этого не происходит, если им предлагается распределить группу стран по коррумпированности – провести ранжирование. В этом случае страны оцениваются на основе единых принципов. Но в этом случае мы можем столкнуться с предубеждением против конкретной страны. Классическим примером, могут служить Великобритания и Франция, жители которых, как считается, не очень жалуют друг друга.

Ещё одна сложность при оценке и анализе коррупции заключается во влиянии СМИ на восприятие рассматриваемых вопросов. Безусловно, люди в своих суждениях в значительной степени ориентируются на СМИ. В некоторых странах влияние СМИ на восприятие коррупции может быть решающим. В других государствах, где свобода СМИ подавляется, такого влияния может и не быть, а сама проблема коррупции может оставаться скрытой от общественности. Можно напомнить, к примеру, что активное обсуждение проблемы коррупции в СССР, да и само использование

этого термина применительно к самим себе, началось только во второй половине 80-х годов прошлого века, одновременно с «гласностью».

Подводя итоги обсуждения CPI, хотелось бы ещё раз отметить, что вышеизложенное не является единственно возможной точкой зрения. «За» предложенный сотрудниками TI подход говорит сам факт ежегодного создания CPI и налаженная система сравнения различных государств по вопросам коррумпированности. С точки зрения авторов CPI, сила этого индекса заключается в использовании разнообразных по своей природе данных. В связи с тем, что все источники демонстрируют высокую взаимную корреляцию, специалисты TI предлагают считать его свободным от упомянутых проблемных моментов или, по крайней мере, считать эти проблемы взаимно компенсируемыми. Определённый плюс состоит и в том, что результаты TI коррелируют с результатами других исследований в данной сфере. В большинстве случаев удаётся теоретически обосновать полученные характеристики стран.

Однако существуют и определённые проблемы в теоретическом обосновании процедур построения CPI. Так, можно отметить, что практически все проблемы CPI решаются путём демонстрации высокой корреляции между источниками. Но это и естественно, ведь некоторые источники, например Freedom House, используют другие источники, которые в свою очередь вошли в CPI. Ситуация осложняется тем, что большинство упомянутых организаций ведут свои проекты не первый год и используют материалы за несколько предшествующих проведению исследований лет. Это увеличивает вероятность «перекрёстного» использования одних и тех же материалов в различных исследованиях. Простым примером может служить использование CPI 1999 в работе Freedom House, которая, в свою очередь, используется в CPI 2000. Подобное может произойти и во множестве иных комбинаций, что способно породить искажения при подсчёте корреляции между источниками CPI.

Тем не менее, ещё раз подчеркнем, вопрос корреляции не такой уж и простой, и требует подробного анализа, после которого, действительно, можно будет говорить об адекватности инструментария реальной ситуации.

ПРОЕКТ FREEDOM HOUSE «ТРАНЗИТНЫЕ ОБЩЕСТВА»

Эта организация была создана в семидесятые годы и приобрела значительный авторитет и известность благодаря целому ряду комплексных исследовательских разработок в экономической, политической и социальной областях. Среди них можно упомянуть исследования «Свобода в мире» (Freedom in the World), «Свобода прессы» (Press Freedom Survey), «Транзитные общества» (Nations in Transit), «Монитор свободы» (Freedom Monitor), «Век демократии» (Democracy's Century) и другие. Далее будет представлен краткий обзор исследования «Транзитные общества» (NIT), в котором фигурирует феномен коррупции.

Следует отметить, что главной особенностью разработок Freedom House является определение обобщенного состояния страны с точки зрения свободы. Под этой оценкой подразумевается комплексная экономическая, социальная и политическая характеристика. Отличием методики FH является отнесение государства к большим категориям – «Свободное», «Частично свободное» и «Несвободное» (Free, Partly Free, Not Free). Благодаря такому «неконкурентному» распределению стран по категориям, сама собой исчезает опасность некорректного сравнения стран друг с другом. Здесь сложнее ошибиться с оценкой состояния дел в стране. Тем не менее, у данного подхода есть и недостаток, заключающийся в несколько меньших возможностях операционализации или практического использования полученных результатов.

«Транзитные общества» (“Nations in transit”, далее NIT) – это комплексное описание различных экономических, социальных и

политических процессов в 28 посткоммунистических государствах, дополненное сравнительными материалами. По каждой стране пишется доклад с качественным описанием, сопровождаемый сравнительными количественными материалами. Исследование периодически повторяется, и последнее датируется 2001 годом.

В 1998 году в этом исследовании появились нововведения. Было добавлено много специализированных вопросов по различным проблемам, в каждом отчёте были выделены секции макро- и микроэкономики, была обособлена секция по коррупции.

Каждый доклад по стране разделен на девять главных секций.

1. Секция политического процесса исследует следующие факторы: условия выборов – были ли они свободными и справедливыми; развитие многопартийных систем; общественное участие в политическом процессе.

2. Секция гражданского общества оценивает переменные: рост неправительственных организаций, их организационные способности и финансовую устойчивость и юридическую и политическую среду, в которой они функционируют; развитие свободных профсоюзов; участие групп интересов в политических процессах.

3. Секция независимых средств массовой информации рассматривает такие факторы: юридическую структуру и фактический статус средств печати, включая преследование журналистов и редакционную независимость; появление материально независимой жизнеспособной частной прессы; доступ в Интернет для частных граждан.

4. Секция управления и государственной службы рассматривает фактическую силу законодательных органов; децентрализацию; обязанности, процедуры выборов и использующиеся механизмы управления органов местного самоуправления; законодательную и исполнительную открытость и прозрачность.

5. Секция верховенства закона выдвигает на первый план конституционную реформу и защиту прав человека; реформу уголовного кодекса; судебную власть и судебную независимость; статус этнических меньшинств.

6. Секция коррупции анализирует восприятие коррупции в государственной службе; деловые интересы высших политиков; законы о финансовых разоблачениях и конфликтах интересов в политике; а также антикоррупционные инициативы.

7. Секция приватизации рассматривает юридическую структуру приватизации, а также фактическое состояние процесса приватизации.

8. Секция макроэкономической политики охватывает налоговую реформу; финансовую и валютную политику; банковскую реформу.

9. Наконец, секция микроэкономики изучает права собственности; ценовую либерализацию; способность управлять бизнесом; международную торговлю и иностранные инвестиции; энергетическую отрасль.

Процедура построения рейтинга для страны близка методу экспертных оценок Делфи. На первом этапе авторы каждого из докладов по странам выставляют те или иные, адекватные на их взгляд, баллы по шкале от 1 до 7, чем лучше ситуация, тем меньше балл. Далее, эти материалы отправляются на обсуждение научным консультантам проекта, которые на общем заседании на основе консенсуса корректируют начисленные баллы. На заключительном, третьем этапе все результаты проверяются Комитетом по рейтингам ФН. Опять же, лучшие результаты соответствуют низким значениям оценок.

Кроме того, создаются два дополнительных рейтинга – «демократическая реформа» и «экономическая реформа». Эти рейтинги представляют собой среднее значение первых пяти политических секций и трёх экономических секций соответственно. Затем в эту работу включаются материалы наиболее свежего

исследования «Свобода в мире» – для упрощения сравнительной работы. Также добавляются данные о корреляции переменных НИТ с динамикой внутреннего валового продукта. В итоге получается набор различных аналитических рейтингов в шкалах от 1 до 7 по самым разнообразным аспектам общественной жизни в странах переходного типа.

Этот проект ФН примечателен тем, что использует практически в чистом виде технологии экспертных оценок и является весьма интересной попыткой сконцентрировать внимание на сравнительно однородной группе государств. Учитывая эти особенности, НИТ обладает очень серьёзным аналитическим потенциалом.

Использование экспертных технологий, безусловно, является преимуществом при анализе многих латентных (т.е. скрытых) факторов, плохо поддающихся формализации и измерению. Однако обращение к соответствующей методологии неминуемо приводит к росту вероятности характерных ошибок. В данном случае это, конечно же, риск получить субъективную оценку ситуации. Различные методы подавления субъективности экспертных оценок могут лишь снизить этот риск, но никогда не позволят полностью и гарантированно избежать ошибок. Хотя, следует признать, что фактически ни один метод оценивания не обеспечивает полного отсутствия ошибок.

«ИНДЕКС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ» HERITAGE FOUNDATION

Впервые «Индекс экономической свободы» (“Index of Economic Freedom”, далее ИЭС) был разработан Heritage Foundation совместно с Wall Street Journal в 1995 году. Как явствует из названия и основной ориентации организаций, основное внимание в нём уделяется экономическим и инвестиционным вопросам. Тем не менее, учитывается и влияние коррупции на экономические процессы, поэтому можно считать рассмотрение здесь этого исследования обоснованным.

В данном проекте экономическая свобода определяется как отсутствие государственного, административного принуждения или ограничения на производство, продажу и потребление товаров и услуг за пределами необходимыми для защиты и поддержания самой свободы.

Несколько слов о системе сбора информации. Для создания ИЭС используются самые разнообразные источники, как правительственного происхождения, так и отчёты неправительственных организаций, международные и национальные опросы общественного мнения и так далее. Информация о состоянии страны получается не только от резидентов этой страны, но также из внешних источников, что повышает объективность оценок.

ИЭС является масштабным исследованием (в нем описывается более 160 стран). Он обновляется ежегодно, благодаря этому сохраняется определённый уровень актуальности, хотя наиболее динамичные процессы далеко опережают ИЭС по скорости. Особенно это относится к динамике ситуации в переходных обществах, в которых принципиальные изменения плохо предсказуемы и очень стремительны. Кроме того, до сих пор ИЭС является одним из наиболее комплексных индексов, учитывающих самые разнообразные факторы: торговая политика, фискальная политика, государственная интервенция в экономическую сферу, монетарная политика, иностранные инвестиции, банковская сфера, зарплаты и цены, права собственности, государственный сектор и чёрный рынок.

Следует учитывать, что оценки этих 10 обобщённых факторов являются интегральными и включают в сумме порядка 50 «подчинённых» характеристик. Возьмём, к примеру, фактор «Торговая политика». В него входят такие переменные как средняя тарифная ставка, нетарифные барьеры и коррупция в таможенной службе. К сожалению, конечному пользователю доступна лишь информация об

итоговых оценках факторов. Данные о значениях, соответствующих их составляющим, отсутствуют.

Далее, на основе этих факторов строится итоговая оценка экономической свободы, являющаяся усреднённым значением оценок всех факторов. Итоговая числовая оценка экономической свободы страны лежит в основе отнесения государства к категориям экономической свободы, которая является «дополнительным» результатом проведения исследования. Таких категорий для государств в рассматриваемом исследовании четыре: «Свободные» (Free); «В целом свободные» (Mostly Free); «В целом несвободные» (Mostly Unfree); «Несвободные» (Repressed).

Как уже отмечалось, ИЭС – это комплексный индекс с серьёзными аналитическими возможностями, обеспечиваемыми сопоставлением статических и динамических характеристик экономического состояния государства. Он предоставляет возможность сравнительного анализа такого явления как коррупция с динамикой экономических процессов в обществе и государстве как институте.

Коррупция фигурирует в ИЭС исключительно в качестве составляющей интегральных факторов. В частности, коррупционные составляющие имеются у факторов «торговая политика», «права собственности», «государственное регулирование». К сожалению, данных по отдельным составляющим факторов не предоставляется. Поэтому, с точки зрения изучения коррупции, данный индекс может быть полезен только для сопоставления коррупционных процессов с экономическими и государственно-управленческими условиями.

ПРОЕКТЫ МИРОВОГО БАНКА

Как уже упоминалось, научная дискуссия о коррупции ещё только разгорается, что проявляется в возникновении новых концепций даже в сфере поиска определения самого явления. Так в конце 90-х годов Мировым банком реконструкции и развития была

представлена концепция State Capture («захвата государства»). Кроме того, как однозначное достоинство деятельности команды специалистов Банка следует отметить разработку новых теоретических подходов и методик изучения коррупции, которые испытываются в различных проектах Банка. Результатом такой деятельности стал целый ряд исследований в области функционирования государственного механизма. В данном обзоре будут рассмотрены две наиболее свежие серии исследований, включающих коррупцию как составляющую часть.

Роль государственного управления. Первая серия исследований, о которой следует упомянуть, может быть приблизительно озаглавлена как «Роль государственного управления». В принципе, такого названия в списках работ под эгидой Мирового банка не существует, все исследования имеют собственные наименования, а объединяет их общая статистическая база и инструментарий¹³.

Рассматриваемые исследования государственного управления проводились в 1996, 1998, 2000 и 2002 годах. Задачей этих исследований было построение набора индикаторов, дающих разностороннюю оценку качества управления государством. Государственное управление (Governance) определяется как совокупность традиций и институтов, посредством которых власть осуществляется для всеобщего блага. Сюда включаются: 1) процесс формирования и смещения правительства; 2) способность правительства эффективно формулировать и проводить экономическую, финансовую и другие политики; 3) уважение граждан и государства к институтам, осуществляющим экономическое и социальное взаимодействие между ними.

¹³ См.: Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P. Aggregating Governance Indicators. Policy Research Working Paper 2195; Kaufmann D., Kraay A., Zoido-Lobaton P. Governance Matters. Policy Research Working Paper 2196.

Было сформулировано шесть комплексных индикаторов государственного управления:

- право голоса и подотчётность;
- политическая нестабильность и насилие;
- эффективность управления;
- регулятивное бремя;
- верховенство закона;
- коррупция.

Собственных социологических исследований в данном случае не проводилось. Использовались 25 исследований, проведенных сторонними организациями, и адаптированная под конкретную ситуацию методика¹⁴, позволившая значительно повысить точность индикаторов. Однако сами авторы предупреждают, что даже таких данных недостаточно для распределения стран по шкале «плохо – хорошо». В связи с этим страны в этих исследованиях делятся на три группы: группа стран, находящихся в наихудшем положении; «группа риска» с достаточно сильно развившейся коррупцией и неблагоприятными проявлениями управления; группа стран со сравнительно спокойной ситуацией.

Исследователями была доказана взаимосвязь между успешным управлением и экономическим процветанием государства. Были получены сравнительные результаты для очень большой выборки стран (более 170 для некоторых индикаторов и не менее 150 для остальных). Эти результаты наглядно демонстрируют, что повышение эффективности управления (например, изменение уровня верховенства закона с российского до чешского или уменьшение уровня коррупции с индонезийского до корейского) приводит к двукратному или даже четырехкратному улучшению такого показателя, как доход на душу населения, отражается на существенном снижении детской смертности

¹⁴ См.: Kaufmann D. et al. Aggregating Governance Indicators. World Bank Policy Research Working Paper 2195 (www.worldbank.org/wbi/governance/wp.htm).

и повышает уровень грамотности среди взрослых на 20%. Это ни в коем случае не означает наличия простой причинной зависимости между упомянутыми факторами и экономическим развитием. Скорее, следует говорить о наличии сложной опосредованной взаимосвязи. Очевидно, слишком упрощённый подход не позволил бы учесть множество индивидуальных особенностей каждой страны, особенностей, обусловленных соответствующим социокультурным наследием и различными геополитическими факторами.

Коррупция в переходных странах. Ещё одна группа исследований базируется на опросе, проводящемся при участии Мирового банка в транзитных государствах Восточной Европы и СНГ. Этот опрос называется Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS) и последний раз он проводился в 2002 году совместно с Европейским банком реконструкции и развития.

Именно на базе этих материалов были рассмотрены различные аспекты концепции «захвата государства». Таким образом, в центре внимания оказывается не просто государство, навязывающее гражданам и фирмам свои правила игры, а взаимодействие государства и фирм, в результате которого эти правила определяются. Захват государства в исследовании сопоставляется с административной коррупцией.

В отличие от некоторых опросов, которые ориентируются на мнения экспертов, являющихся нерезидентами для страны, или на мнение иностранных инвесторов, BEEPS изначально работает с резидентами, которые имеют собственный опыт взаимодействия с государственным аппаратом. Это обеспечивает большую надёжность данных, хотя и повышает опасность предвзятого отношения к проблеме, создаваемого различными технологическими способами (пропаганда является наиболее простым примером). Для контроля над субъективностью восприятия ситуации использовались

дополнительные вопросы по проблемам, поддающимся формальному измерению.

ВЕЕPS предоставляет стандартные статистические данные о свойствах выборки и два больших набора переменных, составляющих сводные индексы.

Первый набор включает переменные, характеризующие помехи для деятельности фирм, которые создаются государством. Эти переменные формировались на основе специальных вопросов, включённых в ВЕЕPS. Таких вопросов могло быть несколько для одной переменной (в этом случае ответы на них усреднялись), но все они требовали от респондентов оценить качество различных аспектов деятельности государства и существенность для бизнеса сбоев в этих сферах деятельности. Так, были получены переменные: финансовая нестабильность, неадекватная государственная инфраструктура, чрезмерное налогообложение или вмешательство государства, нестабильность государственной политики, инфляция, занижение обменного курса, сбои в судебной системе, коррупция, уличная преступность, организованная преступность/мафия. На этих переменных строится индекс неблагоприятности государственного управления (Governance Obstacle Index).

Второй набор переменных относится непосредственно к захвату государства и характеризует различные аспекты этого явления. На их основе строится индекс захвата государства (State Capture Index). Для него используются переменные, описывающие области захвата государства: законотворческая деятельность парламента, нормотворческая деятельность президента, деятельность центрального банка, уголовное судопроизводство, финансирование политических партий, коммерческое судопроизводство. Для каждого из этих институтов бизнесменам данной страны задавался вопрос следующего типа: «Известно, что некоторые фирмы используют неформальные методы, включая взятки, для оказания влияния на решения различных

органов власти. В какой мере такое влияние на данный институт препятствует Вашему бизнесу?». Индекс захвата государства строится по частотам ответов на вопросы о всех перечисленных выше институтах.

Кроме того, имеется характеристика административной коррупции, которая считается как процент годового дохода фирмы, идущий на выплату взяток, на шкале от 0 до 1 (100%) в среднем по стране. При этом вопрос о приблизительных затратах на коррупцию задается не про бизнес респондента, а про «бизнес вроде Вашего».

Данное исследование очень интересно благодаря развёрнутому анализу стран, объединённых своим переходным состоянием и, соответственно, близких по большому числу показателей. Этот опрос также незаменим при рассмотрении явления захвата государства в максимально возможной полноте взаимосвязей с другими явлениями и процессами государственного управления.

В этом исследовании наглядно демонстрируется зависимость между коррупцией вообще и захватом государства. Также иллюстрируется влияние коррупции и, в частности, захвата государства на экономическую эффективность, благосостояние общества и социальное неравенство. Следует отметить, правда, что повторное исследование в 2002 г. по причинам, требующим специального анализа, дало весьма ненадежные данные о захвате государства.

«ИНДЕКС НЕПРОЗРАЧНОСТИ» PRICEWATERHOUSE COOPERS

«Индекс непрозрачности» (“The Opacity Index”) был создан в 2001 году. Этот проект, воплощённый в жизнь солидной компанией, является интересным примером подхода к проблеме с нетрадиционных позиций. В противоположность большинству разработок других организаций, в которых оцениваются прозрачность, открытость, свобода, в данном случае мы имеем дело с оценкой неопределённости,

непрозрачности (последний вариант звучит довольно коряво с точки зрения русского языка, но более точно отражает суть изучаемого фактора, и поэтому кажется более адекватным).

Задачей данного исследования является измерение воздействия непрозрачности и неопределённости социополитических процессов на стоимость капитала. Авторы признают, что в рамках одного исследования невозможно охватить эту проблему во всей её полноте – этический, политический, культурный аспекты – и изначально концентрируются лишь на вопросе цены определённого типа поведения.

Потенциал закрытости и непрозрачности, по мнению авторов, существует в пяти сферах, которые описываются ярким акронимом – «C L E A R». C (corruption) – это коррупция, которая ведёт к взяточничеству, фаворитизму и другим сбоям государственного механизма. L (legal system) – законодательная сфера – коммерческое законодательство и права собственности могут быть аморфны. E (economic and fiscal policies) – всё, что связано с финансами, эмиссией и налогообложением – здесь принципиально негативный эффект имеет непредсказуемость политики. A (accounting standards and practices) – в сфере финансовой отчётности опасна слабость механизмов сбора и предоставления корректной финансовой информации. R (regulatory regime) – государственное регулирование бизнеса – здесь важна последовательность мер. Высокая степень неопределённости и закрытости процессов в любой из этих областей неминуемо повышает расходы ведения бизнеса в стране и сокращает инвестиционную привлекательность региона.

Опрос проводился во втором полугодии 2000 года и затрагивал 35 стран по всему миру. В состав выборки вошли страны – представительницы практически всех крупных развивающихся рынков, кроме того, для сравнения было включено несколько старых индустриальных стран.

По результатам опроса определялся так называемый О-фактор (Opacity-Factor), который строился на основе факторов C L E A R. Кроме значения О-фактора подсчитывались ещё два очень интересных показателя: налоговый эквивалент непрозрачности и надбавка к процентной ставке по государственным займам. Оба показателя рассчитывались на основе «фирменных» регрессионных моделей, в которых в качестве эталона и точки отсчёта принимался Сингапур¹⁵.

Налоговый эквивалент наглядно демонстрирует обременительность непрозрачности для инвесторов. Эта переменная показывает, что имеющийся в стране уровень непрозрачности эквивалентен дополнительному налогообложению инвесторов в $n\%$ от годового дохода. Ещё раз подтверждается гипотеза о том, что реформирование процессов в направлении большей прозрачности, подотчётности и предсказуемости более эффективно для привлечения капитала в страну, чем простое снижение налоговых ставок.

Второй показатель – надбавка к процентной ставке – демонстрирует необходимость платить больший процент по займам для государств с большей закрытостью и непрозрачностью.

Ниже приводятся данные для некоторых государств, охваченных исследованием. Из 35 стран по результатам были выделены тройка лучших и тройка худших, результаты которых приведены в таблице. Так как Сингапур считался эталоном страны с наиболее прозрачной системой управления, значения налогового эквивалента и надбавки за риск для него равны 0.

Таблица 2.3.2. Выдержки из данных об индексе непрозрачности (Opacity Index)

Страна	О-фактор	Налоговый эквивалент (%)	Надбавка к % ставке
Сингапур	29	0	0
США	36	5	0
Чили	36	5	0,03

¹⁵ Более подробно о методике можно узнать в материалах, предоставляемых на сайте компании (www.opacity-index.com).

Турция	74	36	9,82
Россия	84	43	12,25
Китай	87	46	13,16

ЧТО ИЗМЕРЯЮТ МЕЖСТРАНОВЫЕ ИНДЕКСЫ КОРРУПЦИИ?

На вопрос, вынесенный в заголовок этого подраздела, можно найти ответ, если попытаться сопоставить различные индексы, описанные выше, друг с другом и с некоторыми другими характеристиками стран. Мы сделаем это для группы транзитных стран, образующих достаточно однородную группы, являющуюся более строгим статистическим «судьей» (чем больше разнообразие, тем легче устанавливать зависимости). Будем оценивать взаимосвязь между различными показателями с помощью линейного коэффициента корреляции. В Таблице 2.3.3 сравниваются различные индексы коррупции для данных на 1999-2000 гг. Различные знаки при коэффициентах корреляции появились из-за того, что большие значения в одних индексах соответствуют высокой коррупции, а в других – низкой. Самое главное, что абсолютные значения корреляции весьма велики.

Таблица 2.3.3. Коэффициенты линейной корреляции между индексами коррупции для переходных стран. Используются следующие обозначения: «CPI_99» - Индекс восприятия коррупции-99; «CONT_COR» - коррупция в исследовании Мирового банка; «CO_NIT» - коррупция в исследовании Freedom House "Nations in Transit"

	CPI-99	CONT_COR	CO_NIT
CPI-99	1,000	0,953	-0,876
CONT_COR	0,953	1,000	-0,923
CO_NIT	-0,876	-0,923	1,000

Можно, высказать предположение, что все три индекса измеряют нечто общее и сходное. Мы поймем это яснее, сопоставив один из этих

индексов с другими индикаторами, которые ниже мы будем называть *институциональными*. Результаты такого сопоставления приведены в Таблице 2.3.4.

Таблица 2.3.4. Коэффициенты линейной корреляции между индексом восприятия коррупции-99 и другими индексами

	Индекс восприятия коррупции	Рейтинг уровня демократии	Рейтинг развития экономики	Индекс экономической свободы
Индекс восприятия коррупции - 99	1,000	-0,812	-0,764	-0,808
Рейтинг уровня демократии (NIT)	-0,812	1,000	0,954	0,917
Рейтинг развития экономики (NIT)	-0,764	0,954	1,000	0,886
Индекс экономической свободы (HF)	-0,808	0,917	0,886	1,000

Мы снова видим столь же высокие коэффициенты корреляции. Но самое интересное состоит в том, что коэффициенты корреляции между различными индексами, разными способами измеряющими коррупцию, колеблются в том же диапазоне высоких значений, что и коэффициенты корреляции между одним из индексов коррупции и обобщенными переменными, измеряющими, вообще говоря, величины иной природы; в данном случае – уровень развития демократии и уровень экономической свободы. Тот же эффект, даже с более высокими значениями корреляции, воспроизводится, если подобный статистический анализ проводить для большой выборки различных стран.

Теперь произведем заключительную статистическую проверку. Сопоставим индекс восприятию коррупции с другими индикаторами, характеризующими частные проявления коррупции. Результаты такого сопоставления приведены в Таблице 2.3.5.

Таблица 2.3.5. Коэффициенты линейной корреляции между CPI-99 и частными рейтингами коррупции, определенными в исследовании BEEPS-99

	Индекс	Коррупция	Администра-	Захват
--	--------	-----------	-------------	--------

	восприятия коррупции	как препятствие	тивная коррупция	государства
Индекс восприятия коррупции-99	1,000	-0,664	-0,712	-0,513
Коррупция как пре- пятствие (BEEPS-99)	-0,664	1,000	0,583	0,616
Административная коррупция (BEEPS-99)	-0,712	0,583	1,000	0,372
Захват государства (BEEPS-99)	-0,513	0,616	0,372	1,000

Мы установили следующее. С одной стороны, общий индекс сильно коррелирует с переменными, с коррупцией на первый взгляд не связанными. С другой, тот же индекс слабее коррелирует с индексами, которые измеряют какие-либо частные проявления коррупции. В этом можно усмотреть определенное противоречие. Подробный статистический анализ, проведенный в цитированном выше докладе Фонда ИНДЕМ «Разнообразии стран и разнообразии коррупции», дает следующие объяснение установленным статистическим фактам и указанному противоречию..

Анализ формы статистической зависимости между индексом восприятия коррупции и частными индексами показывает, что между ними действительно устанавливается связь вида «общее-частное». Такой же анализ взаимосвязи между различными общими индексами коррупции, наподобие тех, что представлены в Таблице 2.3.3, а также их взаимосвязи с институциональными индексами (Таблица 2.3.4), дает основания предположить, что в данном случае мы имеем дело с различными эмпирическими индикаторами некоторой общей латентной характеристики. Эта переменная может быть описана как пересечение следующих смыслов: «уровень развития» и «эффективность». Эта переменная обобщенно выражает степень развития демократических институтов, правовой системы, эффективность экономики. Одновременно она влияет на представления экспертов о стране, что отражается на результатах субъективных

оценок при построении институциональных индексов. И вместе с тем она включает в себя и обобщенную оценку уровня коррупции в стране.

Это совпадение может рассматриваться как подтверждение следующего важного тезиса.

Утверждение 2.3.1

Коррупция в ее самом общем проявлении как свойство, приписываемое стране или иной крупной социальной общности, может рассматриваться как один из возможных индикаторов неэффективности социального порядка в этой стране (общности).

Сейчас мы увидим, что это утверждение подтверждается наличием взаимосвязи между индексом восприятия коррупции и переменной, имеющей непосредственное отношение к экономической эффективности страны, но не являющейся выражением субъективных экспертных оценок. Речь идет о *валовом внутреннем продукте, отнесенном к числу жителей страны*. Результат сопоставления приведен на Рисунке 2.3.1.

Диаграмма подтверждает, что два явления – коррупция и экономическая эффективность – взаимосвязаны. Это определяется и формой диаграммы рассеяния, и весьма высоким значением линейной корреляции между переменными – 0,87, что демонстрирует зависимость с доверительной вероятностью меньшей одной десятой процента.

Мы видим на приведенной диаграмме высокий (один из самых высоких для стран, которым был присвоен индекс восприятия коррупции) уровень коррупции в России и, как следствие неэффективности системы, индицируемой высоким уровнем коррупции, низкий показатель ВВП на душу населения.

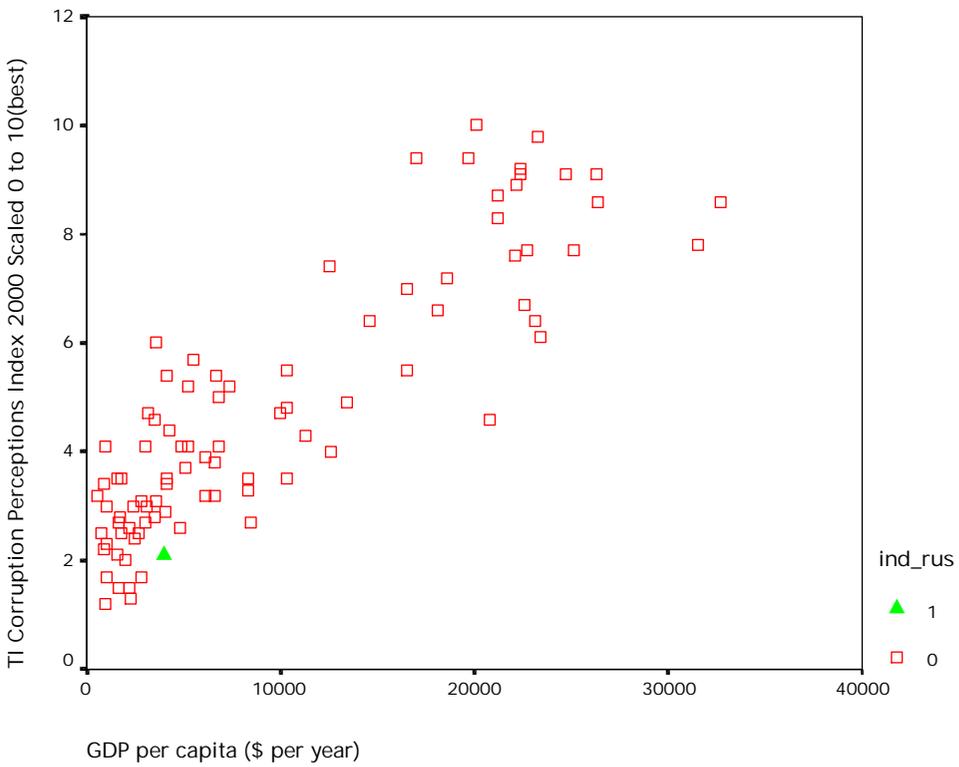

Рисунок 2.3.1. Диаграмма рассеяния двух переменных; каждой точке соответствует одна из 90 стран (2000 г.). Ось X – валовой внутренний продукт страны на душу населения; ось Y – индекс восприятия коррупции, определяемый TI (чем больше значение индекса, тем меньше коррупция); Россия помечена треугольником

Самое интересное другое: на приведенной диаграмма Россия оказывается самой благополучной из стран с таким же уровнем коррупции, как у нее, и самой коррумпированной из стран с тем же уровнем ВВП на душу населения. Нахождение на краю диаграммы рассеяния указывает на то, что мы, в нашем нынешнем состоянии, реализуем маловероятную возможность. Если исходить из того, что естественная динамика развития сопряжена с переходом от менее вероятных состояний к более вероятным, то для России закрыты (крайне маловероятны) либо критичны (приводят к еще менее вероятным, а значит – неустойчивым состояниям) любые траектории развития, при которых увеличивается ВВП на душу населения, но при этом сохраняется или увеличивается нынешний уровень коррупции. В

переводе на практический язык это означает, в частности, что рост ВВП на душу населения при одновременном росте коррупции демонстрирует приращение национального богатства, которое распределяется крайне несправедливо. А это приводит к увеличению политической нестабильности.

§ 2.4. Оценка уровня и структуры коррупции социологическими методами

В этом параграфе мы рассмотрим методы социологического измерения коррупции, предназначенные для диагностики этого явления. Это означает использование социологических инструментов, которые позволяют изучать коррупцию в ее различных проявлениях. Практические примеры, которые будут приводиться ниже, взяты из двух исследований Фонда ИНДЕМ.

Первое (2001 г.) – «Диагностика российской коррупции: социологический анализ»¹⁶, на которое мы будем ссылаться и дальше под аббревиатурой ДРК. Количественная часть этого исследования состояла в проведении двух опросов: на обычной российской репрезентативной выборке объемом более 2 000 респондентов-граждан и на выборке более 700 предпринимателей, представлявших бизнес разного калибра и разных сфер экономической активности.

Второе – «Региональные индексы коррупции»¹⁷ (РИК) проводилось годом позже совместно с российским отделением TI. Этим исследованием было охвачено 40 российских регионов при общей выборке более 5 600 граждан и 1 800 предпринимателей, что позволяло сравнивать регионы друг с другом.

¹⁶ Диагностика российской коррупции: социологический анализ. М.: Фонд ИНДЕМ, 2001 (www.anti-corr.ru).

¹⁷ Некоторые результаты этого исследования можно найти на том же сайте www.anti-corr.ru.

Социологические измерения коррупции базируются на вопросах двух типов: оценочные вопросы и вопросы о личной коррупционной практике. Приведем примеры двух вопросов каждой из категорий.

1. Как часто жителям Вашей области приходится сталкиваться с коррупцией? Выберите один из следующих ответов.

А) Постоянно.

Б) Время от времени.

В) Исключительно редко.

2. Когда последний раз Вам приходилось неформальным образом воздействовать на должностное лицо с помощью взятки, подарка, оказания услуги и т.п. для решения проблем Вашего бизнеса? Выберите один из следующих ответов.

А) Не более недели назад.

Б) От недели до месяца назад.

В) От месяца до полугода назад.

Г) Более полугода назад.

Оценочные вопросы не вызывают напряжения у респондентов, и они охотно на них отвечают. Однако сопоставительные возможности полученных с их помощью данных весьма ограничены. Это связано с большой долей субъективизма. Как будет показано ниже, оценки коррумпированности власти тесно взаимосвязаны с доверием к ней, и трудно понять, что первично, а что вторично, что является причиной, а что следствием.

Есть, например, свидетельства того, что нелюбовь к политику может способствовать более высокой оценке коррупции. Проиллюстрируем это обстоятельство небольшим фрагментом из результатов исследования ДРК. В опросах этого исследования обеим группам респондентов – гражданам и предпринимателям – задавался, в частности, вопрос о сравнении коррупции России в разные исторические периоды. Результаты приведены в Таблице 2.4.1.

Таблица 2.4.1. Частоты ответов (в процента) на вопрос: «КОГДА, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БЫЛИ БОЛЬШЕ РАСПРОСТРАНЕНЫ КОРРУПЦИЯ, ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, БЛАТ, КУМОВСТВО? (УКАЖИТЕ НЕ БОЛЕЕ ДВУХ ОТВЕТОВ)». Сравнение выборов граждан и предпринимателей.

№ п/п	Варианты ответа	Граждане	Предприниматели
1	До революции	4,4	4,4
2	В советское время	25,0	27,4
3	В период М. Горбачева	22,0	14,1
4	В период президентства Б. Ельцина	58,0	57,3
5	В нынешний период президентства В. Путина	14,3	11,0
6	Затрудняюсь ответить	17,2	19,3

Мы видим, что максимум коррупции единодушно приписывается ельцинскому времени, а президентство Путина субъективно менее коррумпировано, чем советская власть. Между тем другие, более объективные оценки показывали неуклонный рост интенсивности вовлечения граждан в коррупцию.

Бесспорно, вопросы о коррупционной практике могут дать более надежную информацию. Но тут выявляется другая проблема: респонденты отвечают на них менее охотно.

Нередко в опросах, посвященных коррупции, респондентам предлагают оценочные вопросы о степени коррумпированности властных институтов. Исследования, проведенные Фондом ИНДЕМ, показывают, что ответы респондентов на такие вопросы также сильно коррелируют с их доверием или недоверием к этим институтам. Тем самым оценки коррумпированности институтов свидетельствуют не столько об их реальной коррумпированности, сколько об отношении людей к ним. Поэтому ниже мы будем чаще рассматривать либо вопросы об оценке коррупционной практики, либо вопросы о самой этой практике.

Но это не устраняет главное противоречие, связанное с использованием социологических опросов для измерения коррупции. С одной стороны, релевантное применение такого инструмента способно

дать весьма надежные данные об уровне и структуре коррупции. С другой стороны, для этого необходимо задавать респондентам вопросы об их личной коррупционной практике. Однако в силу того, что как получение, так и дача взятки являются уголовно наказуемыми деяниями, респонденты ставятся фактически в условия, когда они вынуждены «давать показания против самих себя». Речь идет о том, что коррупционная практика граждан относится социологами к так называемым чувствительным (чувствительным) темам (наряду, например, с вопросами, касающимися интимной жизни). Естественно, такие темы характерны уклонением граждан от правдивых ответов на соответствующие вопросы.

Очевидно, что в наивысшей степени подобная чувствительность проявляется при опросе должностных лиц. Российская правовая практика, традиции и культура таковы, что взяточполучатель обвиняется в общественном мнении и в практике уголовного преследования в существенно большей степени, нежели взяткодатель. По совокупности указанных причин представляется совершенно бессмысленным задавать чиновникам вопросы об их личной коррупционной практике. Однако не следует рассматривать этот факт как крупную информационную потерю. Данные об уровне и структуре коррупции могут быть получены и по ответам взяткодателей об их коррупционной практике. Иными словами, узнать о том, «кто больше берет», можно по данным о том, «кому больше дают».

Рассмотрим, что известно из опыта подобных опросов о возможности получения информации о коррупционной практике взяткодателей. При этом следует иметь в виду, что ответы респондентов при социологических опросах всегда анонимны, и респонденты всегда информируются об этом с тем, чтобы способствовать их максимальной искренности. Российские граждане при опросах о практике бытовой коррупции ведут себя довольно открыто, более того, считают своим долгом рассказать о своем

коррупционном опыте, полагая, что это может быть полезно «там, наверху». Иначе ведут себя предприниматели, которым доводится отвечать на вопросы об их практике деловой коррупции. Данные сопоставимых опросов показывают, что **предприниматели в два-три раза реже признаются во взяточничестве, чем обычные граждане. Еще неохотнее они говорят об особенностях и параметрах коррупционных сделок.**

Из этой ситуации есть несколько выходов.

Первый состоит в том, чтобы включать в анкеты дополнительные контрольные вопросы, помогающие устанавливать тех респондентов, которые неискренне отвечали на прямой вопрос, но «выдали себя» при ответах на косвенные вопросы. Однако этот метод удорожает стоимость социологического мониторинга.

Второй выход состоит в том, чтобы с помощью специальных исследований с расширенными анкетами устанавливать «поправочные коэффициенты на неискренность» и потом применять их в течение серии менее громоздких опросов. Однако здесь можно столкнуться с эффектом изменения степени искренности во времени. Тогда использование неизменного коэффициента приведет к артефакту ложной динамики уровня коррупции, индуцированного динамикой искренности.

Третий выход основан на использовании так называемых вопросов-лотерей¹⁸. Они устроены, к примеру, так, как приведено в следующем фрагменте из анкеты.

«Приходилось ли Вам в течение последнего года давать взятку должностному лицу для решения проблем Вашего бизнеса?»

Возьмите монету; подбросьте ее; не показывайте результат бросания интервьюеру. Если выпал «орел», то дайте ответ «Да». Если выпала «решка», то дайте правильный ответ».

¹⁸ См., например: Мягков А.Ю. Статистические стратегии сенситивных измерений. — СОЦСИС, №1, 2002. С.111-121.

Смысл вопроса-лотереи состоит в том, что ответ «Да» не означает, что конкретный респондент, давший такой ответ, действительно давал взятку. Поэтому при вопросе-лотерее мы не можем ни про кого сказать – давал он взятку или нет. Но мы можем довольно надежно подсчитать долю респондентов, дававших взятку в течение года. Пусть в исследовании доля респондентов, ответивших «Да», равна q . Тогда долю p респондентов, давших такой ответ по той причине, что они действительно давали взятку, а не монетка удачно упала, можно оценить по формуле: $p = 2q - 1$.

Недостаток подхода состоит, прежде всего, в том, что использование переменной, построенной таким образом, в совместном статистическом анализе совместно с другими переменными несколько ограничено. Кроме того, можно подозревать, что пугливые российские бизнесмены не поверят в анонимность и, следовательно, в безопасность вопросов-лотерей, и по-прежнему будут неискренни.

Четвертый выход состоит в том, чтобы смириться с этой неискренностью. Тем более, что в любом случае получаемые по социологическим данным оценки коррупции строятся как минимальные.

Пятый выход основывается на том, что власть, демонстрирующая серьезность намерений в своей борьбе с коррупцией, в состоянии вызвать доверие к себе. Если при этом власть в своем противодействии коррупции опирается на гражданское общество и, в том числе, на бизнес, то есть надежда, что последний будет более искренен, понимая, что своими ответами на вопросы анкеты он участвует в борьбе против коррупции.

Существует и *шестой* выход. Он основан на том, что существует весьма надежная статистическая взаимосвязь между оценочными вопросами и вопросами о коррупционной практике в том случае, когда респондентам предлагается оценивать саму коррупционную практику. Однако следует считаться с тем, у оценочных вопросов возможность

обеспечить сравнение уже, чем у вопросов о коррупционной практике. Чтобы компенсировать этот дефект, нужны специальные усилия, к описанию которых мы переходим.

ИЗМЕРЕНИЕ КОРРУПЦИИ ПО ОЦЕНОЧНЫМ ВОПРОСАМ

Рассмотрим вопрос анкеты следующего вида:

*Е3. КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ И КАК ЧАСТО В ВАШЕМ РЕГИОНЕ ПРИХОДИТСЯ РЕШАТЬ **БИЗНЕСУ ВРОДЕ ВАШЕГО** С ПОМОЩЬЮ НЕФОРМАЛЬНЫХ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВЛАСТЬ (ВЗЯТКИ, ОКАЗАНИЕ УСЛУГ И Т.П.)?*

№	Наименование проблемы	Постоянно	Время от времени	Очень редко
1	Открыть новое дело	(1)	(2)	(3)
2	Решить проблему со сдачей отчетности	(1)	(2)	(3)
3	Ускорить решение вопроса, который и так должен решить орган власти	(1)	(2)	(3)
7	Получить государственный, региональный или муниципальный заказ	(1)	(2)	(3)
8	Обеспечить нужное судебное решение	(1)	(2)	(3)
9	Победить в борьбе за приобретение собственности	(1)	(2)	(3)

Это типичный оценочный вопрос (варианты ответов здесь приведены не полностью). Практические ситуации, упомянутые в нем, касаются как административной коррупции, так и захвата бизнеса. С помощью такого вопроса можно сравнивать между собой коррупционные ситуации, две указанные разновидности коррупции, регионы, а при повторении исследований – проследить динамику этих показателей. Но для этого необходимо свести все оценки в единую шкалу. Ниже приводится краткое изложение методики построения таких шкал.

Введем предположение, что существует единая шкала интенсивности (частоты появления) коррупционных ситуаций со значениями от 0 до 100. Также предположим, что справедлива следующая модель работы респондента при выборе ответа на вопрос Е3: респондент располагает представлением об интенсивности коррупционной ситуации, выраженной в значении данной шкалы. В зависимости от этого значения он выбирает один из ответов.

Однородную группу респондентов (например, бизнесменов одного региона) можно рассматривать в этой ситуации как набор повторных измерений с некоторой случайной ошибкой одной и той же величины – интенсивности коррупционной ситуации, но выраженной в терминах одного из трех ответов. Нам необходимо решить обратную задачу: по набору ответов респондентов «восстановить» значение частоты коррупционной ситуации.

Для этого используется следующая экспертная процедура. Весь диапазон шкалы разбивается на пять интервалов: 0-15; 16-34; 35-65; 66-84; 85-100. С помощью экспертных оценок необходимо установить соответствие между ответами, которые выбирает респондент, и попаданием оцениваемых объектов в эти интервалы. Для этого эксперту предлагается следующая инструкция:

Если известно, что произвольный респондент выбрал конкретный ответ на вопрос (допустим, "Постоянно"), то каковы шансы, что оцененный этим респондентом объект должен попасть в каждый из интервалов шкалы частоты коррупционной ситуации.

Оценки даются в «шансах» – величинах, имеющих смысл вероятностей и принимающих значения от 0 до 100 (0 – «нет шансов», 100 – «только так»). При этом шансы выставляются так, чтобы их сумма по всем интервалам составляла 100. Таблица 2.4.2 дает пример вида экспертной оценки.

Таблица 2.4.2. Пример заполнения экспертной таблицы соответствия между ответами на вопросы анкеты и интервалами шкалы индекса

№	Ответы на вопрос	Интервалы индекса интенсивности коррупционных ситуаций				
		Низкая частота		←→	Высокая частота	
		0 – 15	15 – 35	35 – 65	65 – 85	85 – 100
1	Постоянно	0	0	0	10	90
2	Время от времени	0	20	60	20	0
3	Очень редко	75	25	0	0	0

Набор заполненных подобным образом экспертных матриц подвергается обработке, в результате которой отсеиваются эксперты-«диссиденты», а по оценкам оставшихся экспертов определяется агрегированная матрица экспертных оценок соответствия между ответами на вопрос о частоте коррупционной ситуации и интервалами шкалы частоты.

После этого обрабатываются ответы респондентов, отвечавших на этот вопрос. В результате получается вектор частот выбора каждого из ответов на вопрос о частоте конкретной коррупционной ситуации. По этому вектору и по матрице соответствия с помощью специальной статистической процедуры¹⁹ данной коррупционной ситуации приписывается оценка частоты этой ситуации. Обработывая разные группы респондентов, можно получать разные частоты ответов на вопрос о частоте коррупционной ситуации и, следовательно, сравнивать оценки ситуаций в этих различных группах. Это могут быть бизнесмены из разных регионов, и тогда будет осуществляться сравнение регионов. Это могут быть бизнесмены из разных сфер бизнеса, тогда будет осуществляться сравнение коррумпированности разных сфер экономики. Если это бизнесмены, отвечавшие на один и тот же вопрос с интервалом в год, то появляется возможность анализа динамики.

Статистический анализ данной процедуры показал ее высокую устойчивость относительно разумных колебаний экспертных оценок. Кроме того, ее использование позволяет приводить оценки коррумпированности, получаемые с помощью разных вопросов, к единой шкале.

В таблице 2.4.3. приводится пример использования этого подхода из исследовании ИРК.

¹⁹ Она известна в теории вероятностей и математической статистике как «обратная байесовская формула».

Таблица 2.4.3. Индекс интенсивности решения различных проблем бизнеса с помощью коррупционных методов, построенный по вопросу: *«КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ И КАК ЧАСТО В ВАШЕМ РЕГИОНЕ ПРИХОДИТСЯ РЕШАТЬ БИЗНЕСУ ПОДОБНОМУ ВАШЕМУ?»*

Проблема	Индекс
Открыть новое дело	0,489
Решить проблему со сдачей отчетности	0,496
Ускорить решение вопроса, который и так должен решить орган власти	0,592
Смягчить требования при проверках контролирующих органов	0,611
Защитить свою собственность и бизнес от посягательств конкурентов	0,455
Преодолеть административные препятствия, мешающие развитию бизнеса	0,549
Получить государственный, региональный или муниципальный заказ	0,401
Обеспечить нужное судебное решение	0,370
Победить в борьбе за приобретение собственности	0,429
Получить преимущество в конкурентной борьбе	0,447
Обеспечить место во власти представителю своего бизнеса	0,335
Обеспечить принятие нужного законодательного решения	0,316
Обеспечить принятие нужного административного решения	0,413
Получить защиту и покровительство для своего бизнеса со стороны органов власти (в т.ч. правоохранительных)	0,485

Мы можем заключить из анализа данных таблицы, что две самых популярных задачи, решаемые с помощью коррупции – уход от контроля и ускорение процедур. Наиболее экзотическое применение коррупции – лоббирование в законодательных органах. Этот результат не удивителен. Ведь лоббизмом занимается довольно крупный бизнес, которого в процентном отношении меньше. Данный индекс позволяет оценить, в какой степени те или иные задачи подвержены решению коррупционными методами в бизнесе в целом. Мы можем рассчитать его для отдельных сегментов бизнеса – малого или крупного, экспортеров или импортеров и т.п. Но он отражает только одну сторону коррупции. В Таблице 2.4.3 приведены данные о деловой коррупции. Но точно так же мы можем анализировать и бытовую коррупцию.

Аналогичный подход, основанный на предварительном экспертном анализе и синтезе ответов на несколько вопросов, объединенных общим латентным свойством, можно использовать для

построения таких переменных, обобщенно описывающих респондентов, как вовлеченность в коррупцию, установка на коррупцию, доверие к власти и т.п. Цитированный выше доклад «Диагностика российской коррупции...» содержит подробное описание этой методики и ее использования.

ЧАСТОТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИОННОЙ ПРАКТИКИ

Следующие индикаторы коррупции основаны на вопросах, связанных с коррупционной практикой. Здесь мы рассмотрим характеристики коррупционной практики, связанные с частотами тех или иных событий или с объемами (долями) тех или иных совокупностей респондентов. Каждый из индикаторов связан с определенным вопросом или набором вопросов. Мы будем обсуждать вопросы (или группы вопросов) и интерпретацию данных об ответах на них.

Р1. ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ КОГДА-НИБУДЬ СТАЛКИВАТЬСЯ С СИТУАЦИЕЙ, КОГДА ВАМ БЫЛО ЯСНО, ЧТО РЕШЕНИЕ ВОЗНИКШЕЙ ПЕРЕД ВАМИ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО С ПОМОЩЬЮ НЕФОРМАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦ (ВЗЯТКА, ПОДАРОК, УСЛУГА И Т.П.)?

1. Да.
2. Нет.
3. Затрудняюсь ответить.

Первый из рассматриваемых индикаторов определяется просто как частота ответа на вопрос Р1. Очевидно, что им описывается доля людей, вовлеченных в коррупционные отношения. Это дает основание именовать соответствующую характеристику «вовлеченность в коррупцию» или «распространенность коррупции». Определяя эту частоту для разных совокупностей респондентов (например, респондентов из разных регионов), мы получаем возможность сравнивать распространенность коррупции в разных совокупностях (например, в разных регионах).

Следующий вопрос анкеты задается тем, кто дал положительный ответ на вопрос Р1.

Р2. НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ВСПОМНИТЬ, КОГДА ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВЫ БЫЛИ ВЫНУЖДЕНЫ ПРИБЕГАТЬ К «СТИМУЛИРОВАНИЮ» В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ФОРМЕ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ВАШЕГО БИЗНЕСА?

1. В течение последней недели
2. От недели до месяца назад
3. От месяца до полугода назад
4. От полугода до года назад
5. Больше года назад

Ответы на этот вопрос должны дать информацию о том, как часто граждане попадают в коррупционные ситуации. С помощью специальных и не очень простых статистических процедур ответы на этот вопрос могут быть пересчитаны в величину, показывающую, сколько раз в среднем в течение заданного интервала времени (обычно это год) респонденты попадают в коррупционную ситуацию. Поэтому такую характеристику можно назвать *«интенсивность коррупции»*.

Следующая характеристика определяется с помощью вопроса Р4.

Р4. ЧТОБЫ РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ, ПРИШЛОСЬ ВАМ ВСЕ-ТАКИ ДАТЬ ВЗЯТКУ (ПОДАРОК, ОКАЗАТЬ УСЛУГУ)?

1. Да.
2. Нет.
3. Затрудняюсь ответить.

Частота положительного ответа на данный вопрос показывает, каков шанс, что произвольный респондент, оказавшись в коррупционной ситуации, пойдет на коррупционную сделку. Это позволяет называть такую характеристику *«готовность к коррупции»*.

Мы можем таким образом характеризовать готовность к коррупции и другие характеристики коррупционной практики в целом или отдельно по рынкам коррупционных услуг. Например, чтобы сравнить коррумпируемость различных государственных услуг в сфере бытовой коррупции, в анкете можно задать следующий вопрос (список ситуаций взят из исследования РИК).

Р3. ПРИ РЕШЕНИИ КАКОЙ ПРОБЛЕМЫ, В КАКОЙ СИТУАЦИИ ПРОИЗОШЕЛ ЭТОТ СЛУЧАЙ, КОГДА ВЫ ПОНЯЛИ, ПОЧУВСТВОВАЛИ, ЧТО БЕЗ ВЗЯТКИ, ПОДАРОКА ВАМ СВОЮ ПРОБЛЕМУ НЕ РЕШИТЬ?

1. Здоровье (анализы и прочая помощь в поликлинике, оформление справок и бюллетеней, лекарства; лечение, операция и обслуживание в больнице и т.п.).
2. Дошкольные учреждения: ясли, сад, кружки и т.п.(попасть, получить то, что нужно для ребенка).
3. Школа, средние специальные заведения (попасть, получить образование нужного уровня, сдача экзаменов и получение аттестатов и т.п.).

(Список приведен не целиком).

Частоты выбора одного из ответов могут интерпретироваться следующим образом: если вам стало известно, что некий респондент попал в коррупционную ситуацию, то каков шанс, что это произошло на данном рынке коррупционных услуг. Совокупность таких частот можно называть *«структурой рынка коррупционных услуг»*.

Теперь воспользуемся тем же списком ситуаций и зададим два следующих вопроса.

Р5. ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ГОДА ОКАЗЫВАТЬСЯ В СЛЕДУЮЩИХ СИТУАЦИЯХ, РЕШАТЬ УКАЗАННЫЕ НИЖЕ ПРОБЛЕМЫ?

[Список ситуаций]

И затем:

Р6. ДЛЯ ТЕХ СИТУАЦИЙ, С КОТОРЫМИ ВАМ ПРИХОДИЛОСЬ СТАЛКИВАТЬСЯ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ГОДА, ОТМЕТЬТЕ ТЕ, В КОТОРЫХ ВАМ БЫЛО ЯСНО, ЧТО ОТ ВАС ЖДУТ ВЗЯТКУ, ПОДАРОК И Т.П. (Отметьте любое число ответов)

[Список ситуаций]

Частоты положительных ответов на вопрос Р5 для разных ситуаций (проблем) свидетельствуют о спросе на те или иные виды государственных услуг. Рассмотрим теперь одну из конкретных ситуаций (проблем), и введем для нее величину, равную отношению частот положительного ответа на вопрос Р6 и Р5. Эта величина указывает на шанс того, что респондент окажется в коррупционной ситуации, перейдя на данный рынок государственных услуг. Поэтому такую величину можно назвать *«риск коррупции»*.

В Таблице 2.4.4 приведен пример расчетов некоторых из перечисленных выше индексов по данным исследования РИК.

Таблица 2.4.4. Характеристики различных рынков бытовой коррупции

	Интенсивность		Риск		Структура		Спрос	
	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг
Здоровье (анализы и прочая помощь в поликлинике, оформление справок и т.п.)	1,79	8	0,405	7	25,3	1	79,8	3
Дошкольные учреждения: ясли, сад, кружки и т.п.	1,23	14	0,283	10	2,4	10	82,1	2
Школа, средние специальные заведения	1,77	9	0,264	12	3,9	7	71,8	7
ВУЗ (подготовиться, поступить, перевестись из одного ВУЗа в другой, и т.д.)	1,38	12	0,518	2	13,9	3	72,9	6
Пенсии (оформить, пересчитать пенсию, оформить надлежащие льготы и т.п.)	2,00	6	0,166	15	1,8	14	62,5	14
Социальные льготы	2,16	3	0,212	14	2,1	12	52,9	15
Призыв на военную службу (получить освобождение или отсрочку, направить в нужное место)	1,56	11	0,452	5	3,5	9	70,5	8
Приобрести земельный участок и (или) оформить право на него	2,66	1	0,284	9	1,4	15	68,9	9
Получить жилплощадь и (или) оформить юридическое право на нее	1,62	10	0,430	6	4,8	6	67,7	10
Жилье (получить услуги по ремонту жилья, установке телефона и т.п.)	1,83	7	0,459	4	6,1	4	62,9	12
Получить дефицитные товары или услуги	1,27	13	0,257	13	2,1	13	79,1	4
Получить регистрацию по месту жительства, паспорт или заграничный паспорт, и т.п.	2,11	4	0,278	11	5,1	5	77,3	5
Добиться справедливости в суде	0,93	15	0,472	3	3,8	8	62,8	13
Получить помощь и защиту в милиции	2,07	5	0,404	8	2,3	11	67,1	11
Урегулировать ситуацию с автоинспекцией	2,48	2	0,722	1	17,4	2	84,4	1

Мы можем сравнить особенности бытовой коррупции на разных рынках государственных услуг. Для удобства сравнения вместе со значениями индексов приведены ранги этих значений. Рангу 1 соответствует самое высокое значение, что соответствует большей коррумпированности в смысле данного индекса. Мы рекомендуем внимательному читателю самостоятельно поразмышлять над данными из этой таблицы, сравнить с ними свой собственный опыт и опыт своих знакомых.

Из интересных наблюдений, которые можно извлечь из данной таблицы, укажем на два. Первое: в дошкольных учреждениях риск столкнуться с коррупцией невелик, но готовность заплатить весьма высока. Что называется: «Для детей мы готовы на все!». Второе: согласно индексу структуры коррупции, больше всего – более четверти всех коррупционных сделок, приходится на проблемы здоровья. Это неудивительно, если учесть, что больше всего наших забот связано со здоровьем, и именно здесь ситуации воспринимаются наиболее критически.

ИЗМЕРЕНИЕ ОБЪЕМОВ КОРРУПЦИОННЫХ РЫНКОВ

Теперь мы снова возвращаемся к вопросам, которые задаются респондентам относительно их последнего коррупционного опыта.

Каждая взятка (подарок, услуга), о которых говорят респонденты, характеризуются своей стоимостью, о которой можно спросить респондента и получить ответ. Можно предложить респонденту оценить эту величину в абсолютном выражении, или в процентах от месячного дохода (оборота фирмы). В последнем случае придется дополнительно спрашивать о месячном доходе (обороте) и переходить к абсолютным показателям. Эта разница несущественна, а потому ниже будет дана формулировка вопроса с абсолютной оценкой.

Р7. НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПРИПОМНИТЬ, СКОЛЬКО ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО ПРИШЛОСЬ ПОТРАТИТЬ НА ЭТУ ВЗЯТКУ (ПОДАРОК, УСЛУГУ). УКАЖИТЕ (ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО) ВЕЛИЧИНУ ВЗЯТКИ, ПОДАРКА, УСЛУГИ В РУБЛЯХ?

Ответы на этот открытый вопрос позволяют определить чрезвычайно важный для мониторинга и диагностики коррупции параметр «*средний размер взятки*». Однако оценка значения этого параметра не проста в силу особенностей распределения значений величины взятки. Серия проведенных Фондом ИНДЕМ социологических и статистических исследований показывает, что величина размера взятки подчиняется вероятностному закону, существенно ассиметричному; в наблюдениях имеются выбросы. Поэтому простое усреднение данных в данном случае не подходит. В цитированном выше докладе «*Диагностика российской коррупции: социологический анализ*» можно найти описание методов т.н. робастной оценки среднего размера взятки.

Оценка среднего размера взятки позволяет перейти к определению одного из ключевых параметров уровня коррупции – «*объема коррупционного рынка*». При некоторых правдоподобных (и подтверждаемых) предположениях о вероятностной природе таких событий как коррупционные взаимодействия, объем коррупционного рынка простым образом зависит от доли взяточдателей, средней интенсивности коррупции и среднего размера взятки. В итоге объем конкретного коррупционного рынка может быть определен по следующей формуле:

$$V = N r q c \lambda_{cp} b_{cp}, \quad (2.4.1)$$

где V – объем коррупционного рынка; N – число активных граждан; r – распространенность коррупции; q – доля данного рынка в структуре коррупционных рынков (если рассчитывается общий объем коррупционного рынка, то эта величина равна 1); c – готовность к коррупции на данном рынке; λ_{cp} – средняя интенсивность коррупции на данном рынке; b_{cp} – средний размер взятки на данном рынке. Все фигурирующие в правой части формулы величины обсуждались выше.

Произведение первых четырех сомножителей дает оценку общего числа взяткодателей на данном рынке; умножив это число на среднюю интенсивность коррупции, мы получаем оценку общего числа взяток в год на данном рынке; умножив эту величину на средний размер взятки, мы получаем оценку объема данного коррупционного рынка.

Средний размер взятки, рассчитанный для разных коррупционных рынков, дает сильно различающиеся значения (в десятки и сотни раз), указывая на серьезные структурные различия в коррупции. Интенсивность коррупции на разных коррупционных рынках варьируется меньше (в разы), но также несет полезную структурную информацию. Объем коррупционного рынка является «по построению» интегральной характеристикой, которая объединяет информацию о вовлеченности в коррупцию, о частотной доле данного рынка по сравнению с остальными, об интенсивности коррупции, о затратах взяткодателей (доходах взятополучателей). Это определяет важность данной характеристики.

Следует подчеркнуть два важных обстоятельства, связанных с определением объемов коррупционных рынков. Во-первых, получаемые оценки являются минимальными. Это происходит из-за особенностей и статистических процедур, и собираемой информации. В частности, невозможно охватить все виды и рынки коррупции; на уменьшение влияет «стеснительность» респондентов»; наконец, ясно, что чем больше взятка, тем вероятнее, что она будет скрыта.

Во-вторых, необходимо иметь в виду, что нужны специальные усилия для обеспечения сравнимости и сопоставимости оценок. Чтобы обеспечить сопоставимость во времени (в динамике), необходимо очень строго следить за сходством структур выборок, контролируя наиболее важные параметры репрезентации. В случае опросов предпринимателей таковыми будут размер бизнеса (по обороту и числу работающих), форма собственности и сфера деятельности. Чтобы обеспечить сопоставимость регионов, различных сфер экономики или

секторов коррупционного рынка, необходимо увеличивать выборки, что увеличивает затраты на мониторинг. При этом, к сожалению, статистическая надежность получаемых оценок растет медленнее, чем затраты на увеличение выборки. Однако, эти затраты окупаются бесценной информацией, без которой невозможна осмысленная и эффективная антикоррупционная политика.

Наконец, далеко не всегда сравнение по объему коррупционного рынка позволяет адекватно сопоставлять степень коррумпированность разных рынков. Например, в Москве объем коррупционного рынка будет всегда больше, чем в Кабардино-Балкарии хотя бы из-за большего числа жителей. Влиять может и экономический прогресс на рынках. Богатые рынки с большими денежными потоками в коррумпированной стране с большой вероятностью могут иметь большую коррупцию. По такого рода причинам удобно сопоставлять не только вычисленные по формуле 2.4.1 объемы коррупционных рынков, но и величины, полученные из объемов в результате различных нормировок. Например, объем коррупционного рынка в регионах страны можно относить к региональному валовому продукту.

В Таблице 2.4.5 приведены данные об объемах рынков бытовой коррупции для разных видов государственных услуг. Данные взяты из исследования РИК.

Таблица 2.4.5. Объемы рынков бытовой коррупции. Приведены значения индексов и их ранги

Ситуация (проблема)	Интенсивность		Средний размер (руб.)		Объем рынка (млн. долларов)	
	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг
Здоровье (анализы и прочая помощь в поликлинике, оформление справок и т.п.)	1,79	8	1104	13	891,1	3
Дошкольные учреждения: ясли, сад, кружки и т.п.	1,23	14	1327	11	72,4	14
Школа, средние специальные заведения	1,77	9	2879	7	294,3	9
Вуз (подготовиться, поступить, перевестись из одного вуза в другой, и т.д.)	1,38	12	9890	2	2484,8	1
Пенсии (оформить, пересчитать пенсию, оформить надлежащие льготы и т.п.)	2,00	6	1635	10	167,0	11

Социальные льготы	2,16	3	2615	8	151,4	12
Призыв на военную службу (получить освобождение или отсрочку, направить в нужное место)	1,56	11	9709	3	699,5	4
Приобрести земельный участок и (или) оформить право на него	2,66	1	3818	6	246,2	10
Получить жилплощадь и (или) оформить юридическое право на нее	1,62	10	5314	4	555,6	5
Жилье (получить услуги по ремонту жилья, установке телефона и т.п.)	1,83	7	797	15	128,1	13
Получить дефицитные товары или услуги	1,27	13	1084	14	52,0	15
Получить регистрацию по месту жительства, паспорт или заграничный паспорт, и т.п.	2,11	4	1637	9	303,6	8
Добиться справедливости в суде	0,93	15	1192	3	512,0	6
Получить помощь и защиту в милиции	2,07	5	3859	5	306,9	7
Урегулировать ситуацию с автоинспекцией	2,48	2	1187	12	1012,8	2

Из таблицы мы узнаем, что самый большой суммарный объем взяток собирается в высшем образовании, а самые дорогие взятки в судах. Внимательный читатель сделает и другие открытия.

Для обеспечения эффективности мониторинга, без которого немислима антикоррупционная политика, важно учитывать следующие обстоятельства.

1. Проведение процедур мониторинга с использованием практически любых инструментов целесообразно организовывать как поручения, даваемые органом, отвечающим за проведение антикоррупционной политики, *независимым негосударственным организациям*. Исключение можно сделать только для анализа уголовных дел; однако это целесообразно компенсировать созданием межведомственной конкуренции и усиленным контролем.

2. Непременным условием мониторинга коррупции должна быть его *открытость*. Она необходима, во-первых, для повышения доверия к результатам, а во-вторых, для уменьшения угрозы влияния на результаты мониторинга заинтересованных лиц и групп.

3. Нельзя препятствовать инициативам независимых (от власти) организаций, намеревающихся на собственные или привлеченные средства осуществлять мониторинг (диагностику) коррупции и

публично распространять его результаты при условии открытости такой работы.

§ 2.5. Возможности эмпирического анализа коррупции

В предыдущих параграфах рассматривались методы эмпирического изучения коррупции социологическими методами. Теперь уместно продемонстрировать, какое новое знание о коррупции эти методы могут обеспечить. Здесь речь пойдет исключительно о данных, полученных с помощью количественных методов – массовых социологических опросов. При ограниченности объема, отведенного на эти вопросы, трудно претендовать на обстоятельное изложение. Мы коснемся здесь нескольких интересных и поучительных сюжетов.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ОЦЕНКОЙ И ПРАКТИКОЙ

Для плавности перехода начнем с сюжета, имеющего как методический, так и практический характер. Выше мы отмечали, что коррупция относится к числу сенситивных тем, которые далеко не всегда вдохновляют респондентов на откровенность. В зависимости от особенностей той или иной культуры граждане в большей или меньшей степени готовы говорить об индивидуальной коррупционной практике. В некоторых случаях придется ограничиваться только оценочными вопросами. Тогда возникает вопрос – насколько информативны ответы на оценочные вопросы.

Ответ на этот вопрос заставляет нас рассмотреть два типа оценочных вопросов. Первый тип – вопросы о степени коррумпированности власти, властных институтов. Второй тип – степень коррумпированности ситуаций взаимодействия с государством, с которыми респонденты сталкиваются в обыденной жизни – будь то быт, будь то работа (бизнес). Нетрудно догадаться, что

для разных типов вопросов мы получим два разных заключения о надежности ответов респондентов.

Начнем с первого типа вопросов. В предшествующем параграфе приведена Таблица 2.4.1, которая дает первое убедительное свидетельство того, что оценка коррупции существенно зависит от отношения респондентов к власти и властным институтам. Теперь рассмотрим другие свидетельства.

В исследовании ДРК описанными в предшествующем параграфе методами строились две классификации (типологии) респондентов. Первая – «Доверие к власти» разбивала респондентов на три группы по степени доверия; вторая – «Оценка уровня коррупции» разбивала выборку на три группы по степени оценки масштабов коррупции в стране в целом. Выяснилось, что имеется крайне высокая статистическая зависимость между этими двумя классификациями: коэффициент контингенции равен 0,304. На Рисунке 2.5.1 эта зависимость продемонстрирована графически.

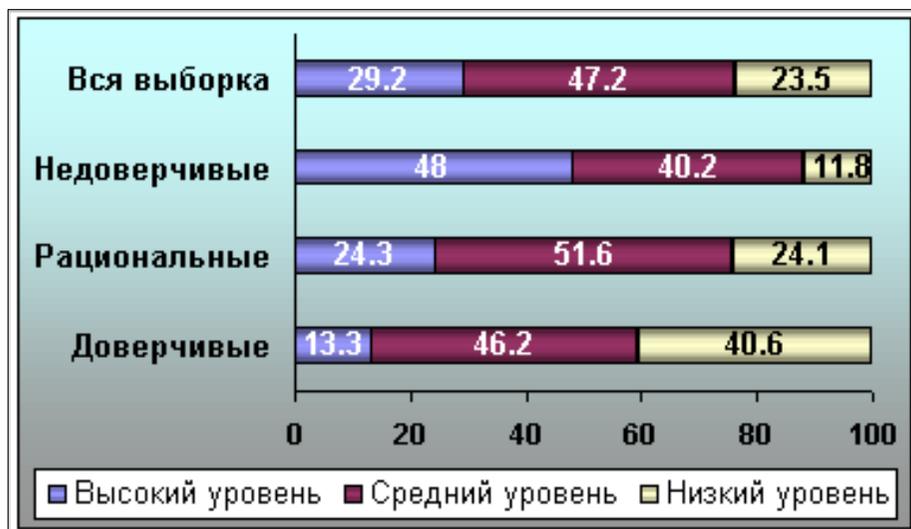

Рисунок 2.5.1. Распределения частот представительства (в процентах) граждан из классов типологии «Оценка уровня коррупции» внутри классов типологии «Доверие к власти»

На рисунке видно, как стремительно – в три с лишним раза – меняется представительство класса «Высокий уровень» (респонденты,

оценивающие уровень коррупции в стране как высокий) при переходе от класса «Доверчивые» (относящиеся к власти с высокой степенью доверия) к классу «Недоверчивые», попутно также стремительно уменьшается представительство класса «Низкий уровень».

Еще более убедительное подтверждение той же закономерности обеспечивается данными исследования РИК при сопоставлении оценки коррумпированности региональных властей и доверия к ним.

Таблица 2.5.1. Сопоставление доверия региональным властям со стороны граждан с оценкой ими коррумпированности этих властей.

Регион	Доверие к власти		Коррумпированность	
	Индекс	Ранг	Индекс	Ранг
Алтайский край	0,355	19	0,690	26
Амурская область	0,284	33	0,707	31
Архангельская область	0,376	15	0,638	8
Башкортостан	0,601	1	0,450	1
Белгородская область	0,408	10	0,639	9
Волгоградская область	0,325	26	0,717	35
Воронежская область	0,296	32	0,734	38
Карелия	0,320	29	0,684	24
Кемеровская область	0,536	3	0,572	2
Краснодарский край	0,360	17	0,692	27
Красноярский край	0,357	18	0,658	13
Курганская область	0,275	35	0,710	32
Ленинградская область	0,312	30	0,684	23
Москва	0,433	8	0,659	14
Московская область	0,392	12	0,662	16
Нижегородская область	0,304	31	0,714	34
Новгородская область	0,392	13	0,670	19
Новосибирская область	0,373	16	0,662	17
Омская область	0,353	21	0,661	15
Пермская область	0,510	4	0,599	5
Приморский край	0,322	28	0,687	25
Псковская область	0,354	20	0,654	12
Ростовская область	0,347	23	0,679	21
Рязанская область	0,276	34	0,753	40
Самарская область	0,322	27	0,713	33
Санкт-Петербург	0,458	6	0,590	4
Саратовская область	0,260	38	0,733	36
Свердловская область	0,327	25	0,693	28
Ставропольский край	0,259	39	0,734	37
Тамбовская область	0,378	14	0,670	18
Татарстан	0,402	11	0,647	11

Тверская область	0,268	36	0,694	29
Томская область	0,434	7	0,617	6
Тульская область	0,346	24	0,682	22
Тюменская область	0,543	2	0,576	3
Удмуртия	0,267	37	0,747	39
Ульяновская область	0,258	40	0,702	30
Хабаровская область	0,478	5	0,645	10
Челябинская область	0,352	22	0,673	20
Ярославская область	0,418	9	0,624	7

Из таблицы видно, насколько координированы оценки доверия и коррумпированности. Еще более наглядно это видно на диаграмме рассеяния на Рисунке 2.5.2.

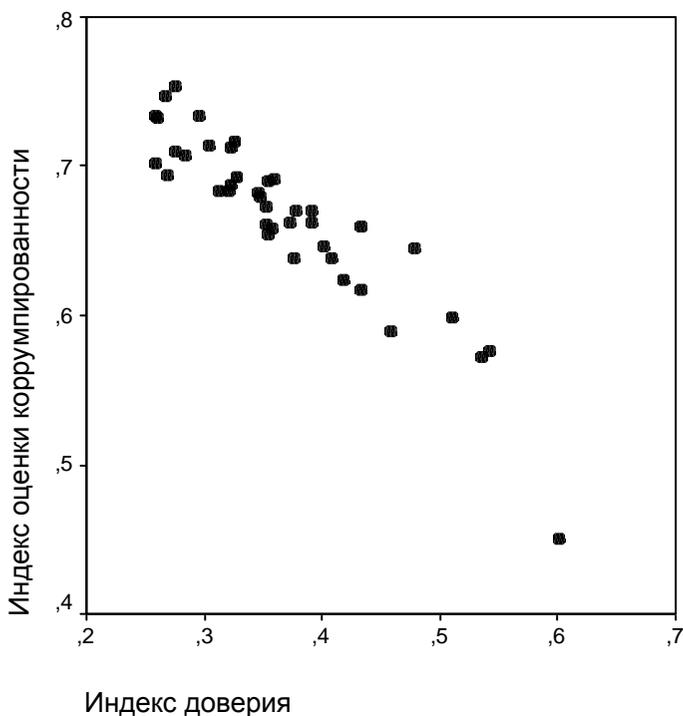

Рисунок 2.5.2. Диаграмма рассеяния, демонстрирующая зависимость между индексом доверия граждан региональным властям и индексом оценки гражданами коррумпированности властей

Мы видим на диаграмме статистическую линейную зависимость, близкую к функциональной. Не удивительно, что коэффициент линейной корреляции между двумя рассматриваемыми переменными оказался равным $-0,923$.

Теперь посмотрим, как респонденты оценивают коррумпированность различных институтов. В Таблице 2.5.2

приведены данные исследования ДРК, полученные методами, аналогичными описанным в предыдущем параграфе.

Таблица 2.5.2. Индекс оценки коррумпированности органов власти и иных общественных институтов (ранговые показатели – чем меньше ранг, тем меньше коррумпированность)

Организация	Предпри- ниматели	Граждане
Администрация и учителя средних школ, училищ, техникумов	1	1
Другие общественные организации вроде женских, ветеранских, детских, юношеских	2	2
Общественные организации по охране окружающей среды	3	3
Церковь, религиозные организации	4	4
Правозащитные организации	5	6
Администрация и сотрудники поликлиник и больниц	6	9
Администрация и сотрудники собесов, служб занятости, других социальных учреждений	7	7
Государственные Банки (Госбанк, Сбербанк)	8	10
Государственные предприятия	9	11
Высшие Суды (Конституционный Суд, Высший Арбитражный Суд, Верховный Суд)	10	12
Органы национальной безопасности (ФСБ, СВР, ФАПСИ)	11	8
Профсоюзы	12	5
Частное предпринимательство	13	25
Администрация и преподаватели высших учебных заведений	14	15
Армия	15	14
Администрация Президента РФ	16	13
Правительство РФ (Кабинет министров)	17	13
Законодательный орган вашей республики, области, края, округа	18	18
Администрация (мэрия) вашего города, района, поселка, села	19	20
Местный представительный орган (совет, дума, законодательное собрание) вашего города, района, поселка	20	21
Коммунальные службы (ЖЭКи, ДЭЗы,	21	23

домоуправления и т.п.)		
Средства массовой информации	22	17
Нижестоящие суды (областной, городской, районный)	23	19
Совет Федерации («сенаторы»)	24	24
Администрация (правительство) вашей республики, области, края, округа	25	22
Правоохранительные органы (милиция, прокуратура, налоговая полиция ²⁰)	26	26
Государственная Дума (депутаты)	27	27
Политические партии	28	29
Служба безопасности дорожного движения, автоинспекция	29	28

Таблица 2.5.2 позволяет удостовериться в принципиальном единстве мнений среди граждан и предпринимателей. Однако три института они оценили по-разному. В большинстве своем это объясняется разностью их социальных ролей. С этой точки зрения естественно, что оценка гражданами частного предпринимательства гораздо более категорична, чем самими предпринимателями. То же касается различий в оценке профсоюзов и СМИ.

Однако интереснее другое. Обе группы респондентов относят к числу самых коррумпированных политические партии, Государственную Думу и дорожную автоинспекцию. Нетрудно убедиться, во-первых, что все три института являются любимым объектом критики и насмешек со стороны прессы. Недоверие к партиям – устойчивое наследие советского периода. Во-вторых, данные измерения коррупционной практики показывают, в частности, что исполнительная власть несопоставимо более коррумпирована, чем законодательная (и судебная). Но более открытый характер работы законодательной власти сосредотачивает на ней общественные негативные оценки.

Теперь обратимся к анализу оценочных вопросов второго типа – оценок практических ситуаций. Прежде всего воспользуемся данными

²⁰ Во время исследования налоговая полиция (система ФСНП) еще не была ликвидирована.

исследования ДРК о рынках бытовой коррупции, связанных с различными государственными услугами. В этом исследовании, помимо данных о практике бытовой коррупции, приведенных в предшествующем параграфе, гражданам предлагалось оценивать те же бытовые ситуации «со стороны» с помощью вопроса, аналогичному вопросу ЕЗ из предыдущего параграфа:

«КАК ЧАСТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ГРАЖДНАМ РОССИИ ПРИХОДИТСЯ СТАЛКИВАТЬСЯ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ, КОРРУПЦИЕЙ В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ, ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ? УКАЖИТЕ ОЦЕНКУ ДЛЯ КАЖДОЙ СИТУАЦИИ».

Варианты оценок: «Не приходится», «Редко», «Время от времени», «Довольно часто», «Очень часто»; список оцениваемых ситуаций практически совпадает с тем, что приведен выше в Таблице 2.4.5. С помощью методики, описанной в предыдущем параграфе, строился индекс оценки гражданами бытовых ситуаций взаимодействия с властью.

В связи с этим возникает вопрос о степени объективности оценок гражданами коррумпированности бытовых ситуаций. Иными словами: в какой мере субъективные оценки граждан корреспондируются с данными о практике бытовой коррупции? Ответ на такой вопрос можно получить с помощью регрессионных моделей, которые устанавливают статистическую зависимость между индексом оценки коррумпированности бытовых ситуаций в качестве зависимой переменной и индексами, характеризующими практику бытовой коррупции в качестве независимых переменных.

Такая проверка была проведена на данных исследования ДРК. Эксперименты с регрессионными моделями, содержащими различные наборы независимых переменных, позволили установить, что оптимальной является модель, в которой рейтинг оценки коррупционности бытовых ситуаций предсказывается с помощью только двух характеристик. Ими оказались *риск коррупции* и *средний*

размер взятки. Модель полученной нелинейной регрессии имеет следующий вид:

$$\text{Индекс коррумпированности бытовых ситуаций} = C + 0,666 (\text{риск коррупции})^{1/3} + 0,415 \ln(\text{средний размер взятки})$$

В формуле использованы стандартизированные регрессионные коэффициенты. Коэффициент корреляции между исходными и модельными значениями равен 0,924. Доля объясненной моделью дисперсии предсказываемой величины – 85,3 %. Доверительные вероятности для регрессионных коэффициентов – соответственно 0,000 и 0,004.

Таким образом, мы получили регрессионную модель высокого статистического качества, которая дает основания для следующего важного утверждения.

Утверждение 2.5.1

Вынося оценочные суждения о степени коррумпированности бытовых ситуаций, граждане учитывают свойства практики бытовой коррупции.

В силу практической значимости этого утверждения рассмотрим еще одно его эмпирическое обоснование. Теперь обратимся к данным исследования РИК и попробуем провести аналогичное статистическое исследование для региональных рынков коррупции.

Аналогично предыдущему случаю, по той же методике строился индекс оценки коррумпированности бытовых ситуаций по всем ситуациям в данном месте, в котором живет респондент, по ответам на следующий вопрос:

«КАК ЧАСТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ТАКИМ КАК ВЫ ЛЮДЯМ, В ТОМ МЕСТЕ (ГОРОДЕ, ПОСЕЛКЕ И Т.П.), В КОТОРОМ ВЫ ЖИВЕТЕ, ПРИХОДИТСЯ СТАЛКИВАТЬСЯ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ, КОРРУПЦИЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ, ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ?».

Далее эти оценки усреднялись по всем респондентам из каждого региона. Понятно, что при оценке *места*, а не ситуации, трудно предполагать влияние такого параметра, как средний размер взятки, поскольку он привязан к ситуации, а не к региону. Поэтому, ожидая зависимости между оценками коррумпированности регионов и практикой коррупции в регионе, было интересно установить, а от каких параметров практики зависит эта оценка?

Эксперименты с регрессионными моделями показали, что удобно работать не с самим индексом, а с величиной, полученной из него по формуле: $y = \ln[x/(1-x)]$, где x – исходный индекс оценки коррумпированности бытовой коррупции в регионе. В результате экспериментов было установлено, что наилучшей является нелинейная регрессионная модель следующего вида:

$$\text{Преобразованный индекс оценки бытовой коррупции в регионе} = \\ = C + 0,79 \text{ Риск коррупции} + 0,22 \ln(\text{объем рынка бытовой коррупции})$$

В формуле использованы стандартизированные регрессионные коэффициенты. Коэффициент корреляции между исходными и модельными значениями равен 0,955. Доля объясненной моделью дисперсии предсказываемой величины – 91,1 %. Доверительные вероятности для регрессионных коэффициентов отличаются от нуля в пятом знаке после запятой. Еще меньше значимость модели по F-критерию. Итак, снова получена крайне убедительная регрессионная модель, связывающая оценочный индекс коррумпированности с характеристиками практики бытовой коррупции. Тем самым получено еще одно подтверждение утверждения 2.5.1.

Теперь можно перейти к выводам из нашего анализа.

Первое. Когда граждане оценивают коррумпированность властных и иных институтов, далеких от их непосредственного опыта, их оценки во многом корреспондируются с субъективной оценкой

доверия этим же институтам. Последние, в свою очередь, сильно зависят от информационного фона, в котором живут граждане, от отношения СМИ к этим институтам. Можно предположить, в частности, что оба индикатора могут выражать некую общую латентную переменную, в соответствии с которой граждане строят свое отношение к институтам, на которой последние располагаются в диапазоне «хороший-плохой». Эта ситуация похожа на ту, что описывалась в § 2.3 при обсуждении природы межстрановых индексов коррупции.

Второе. Когда граждане оценивают объекты, связанные с их повседневным опытом, например, ситуации взаимодействия с властью, их оценки в высокой степени коррелируют с коррупционной практикой.

Третье. Из предыдущего пункта вытекает, что в тех случаях, когда затруднено интервьюировать граждан об их индивидуальном коррупционном опыте, можно вместо этого пользоваться индексами оценки коррупционных ситуаций.

Следует учесть, что такие индексы позволяют корректно сопоставлять друг с другом измеряемые объекты. Но они не несут самостоятельной информации о свойствах коррупции, как это происходит в случае использования индикаторов коррупционной практики.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА КОРРУПЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Эмоции – один из основных двигателей социальной активности. Поэтому крайне важно понимать, какие эмоции возникают у граждан в результате изучаемых социальных отношений. Попытка такого изучения была предпринята в исследовании ДРК. Для этого при опросе гражданам был задан вопрос:

«КАК БЫ ВЫ ОПИСАЛИ СВОИ ОЩУЩЕНИЯ ОТ ТОГО, ЧТО ВАМ ПРИШЛОСЬ ДАТЬ ВЗЯТКУ? (НЕ БОЛЕЕ ТРЕХ ОТВЕТОВ)».

На этот вопрос отвечали, естественно те респонденты, кто перед этим ответил, что дал взятку при последнем попадании в коррупционную ситуацию. В таблице 2.5.3 приведены частоты ответов на этот вопрос. Внимательный читатель обратит внимание, что сумма частот превышает 100 %, но это потому, что респонденты могли выбирать более одного ответа. Варианты ответов упорядочены в порядке убывания частоты выбора ответа, в анкете они располагались в другом порядке.

Таблица 2.5.3. Частоты ответов респондентов-граждан на вопрос о чувствах, которые они испытывали после участия в коррупционной сделке

Варианты ответа	Частота
Унижение	32,5
Ненависть к нашей государственной системе, которая ставит людей в такие обстоятельства	32,5
Ничего не чувствовал, уже привык	24,1
Ненависть ко всей коррумпированной власти	14,5
Удовлетворение тем, что удалось чиновника заставить работать на себя	12,8
Удовлетворение собой, своим умением решать свои проблемы	11,7
Ненависть к чиновнику	11,2
Затрудняюсь ответить	8,8
Опустошенность	7,9
Стыд	7,1
Презрение к себе	3,4
Другое	2,9
Опасение, что об этом узнают мои знакомые и будут осуждать	2,2
Страх, что могут схватить за руку	1,4

Даже простой взгляд на таблицу должен вызывать беспокойство. Во-первых, ведущим чувством от участия респондентов в коррупционных сделках оказывается *ненависть*, в первую очередь – ненависть к власти, к государственной системе. Во-вторых, другая тенденция состоит в *привыкании к коррупции*, выражающееся в популярности таких ответов, как «Удовлетворение собой, своим умением решать свои проблемы» и «Ничего не

чувствовал, уже привык». Эту тенденцию также следует отнести к числу негативных. Морально-правовой климат в обществе в отношении коррупции отражает и крайне низкий процент выбора ответа «Опасение, что об этом узнают мои знакомые и будут меня осуждать».

Не менее интересно выяснить, какие категории граждан являются носителями полярных эмоциональных реакций. В процессе такого исследования была предпринята попытка сравнительного анализа специально построенных «контрастных групп» респондентов, образованных сочетанием важных переменных. В частности, среди прочих изучались две такие группы. Первая: *«женщины не моложе 45 лет, живущие на селе в семье с низким подушевым доходом – доходом на одного члена семьи (из первой квартили распределения²¹), имеющие образование не выше среднего»*. Далее будем для краткости называть эту группу «сельские старушки». Вторая: *«мужчины не старше 44 лет, живущие в мегаполисах в семьях с подушевым доходом из высшей (четвертой) квартили распределения (т.е. в условиях сравнительного достатка), имеющие образование не ниже незаконченного высшего»*. Будем для краткости называть их далее «столичные ребята».

Оказывается, что «сельские старушки» из числа тех, что недавно давали взятку и отвечали на вопрос об испытывавшихся при этом эмоциях, в 22 % случаев выбрали ответ «Удовлетворение тем, что удалось чиновника заставить работать на себя». Аналогичная доля во всей выборке – 14,4 %, а в группе «столичных ребят» – 17,5 %. Итак, мы видим, что «сельские старушки» значительно чаще испытывают удовлетворение при коррупционной сделке, чем все респонденты, и даже чаще, чем группа лиц, которых легко заподозрить в искренней приверженности коррупционной практике. Если добавить к этому, что «сельские старушки» более чем в три раза чаще проявляют инициативу

²¹ Т.е. не менее трех четвертей семей имеют подушевой доход больший, чем у респондентов из этой группы. Значит можно говорить, что речь идет о четверти беднейших.

при коррупционной сделке, то ситуация может показаться обескураживающей. К ее объяснению мы обратимся в следующем параграфе.

УСПЕХ В БИЗНЕСЕ И КОРРУПЦИЯ

Теперь мы перейдем к анализу деловой коррупции. В исследовании ДРК методами, описанными в § 2.5 и опирающимися на привлечение экспертных оценок, строились две латентные переменные. Первая – «Вовлеченность в коррупцию», вторая – «Успешность бизнеса». Представлялось интересным установить, в какой степени использование бизнесменами коррупции приводит к успеху их бизнеса. Для этого изучалась зависимость между двумя указанными переменными. Сопоставление двух типологий не выявило такой зависимости: коэффициент контингенции равен 0,117; доверительная вероятность – 0,365.

Мы перепроверили феномен, стоящий за этим статистическим фактом, изучив взаимосвязи между аналогичными переменными разными способами и снова зависимость не выявлялась. В процессе этого исследования было установлено, в частности, что использование коррупционных стратегий помогает бизнесу усилить свое монопольное положение на рынке. Но само по себе это монопольное положение также не взаимосвязано с успехом.

Таким образом, есть основания утверждать, что исследование ДРК не выявило влияния степени вовлеченности в коррупцию на успешность бизнеса. Отвлекаясь от статистического языка, этот вывод можно сформулировать следующим образом: прибегая или не прибегая к активным коррупционным стратегиям, бизнес становится успешным с примерно равными шансами. Это означает, что **российский бизнес может быть эффективным и успешным, не изыскивая властных льгот, и не прибегая к коррупции.**

Приведенные закономерности нуждаются, естественно, в объяснении, и оно, на наш взгляд, существует. Указанное отсутствие зависимости объясняется, скорее всего, довольно универсальной причиной – действием компенсаторных механизмов. Они работают на разном уровне. Например, человек, желающий достичь успеха в определенной профессиональной сфере, но не обладающий некоторыми нужными для этого стандартными качествами, может компенсировать их отсутствие использованием и развитием других своих качеств, естественно, при серьезных мотивации и усилиях. Другой пример: государства, не располагающие богатыми запасами минерально-сырьевых ресурсов, добиваются весомых экономических успехов, опираясь на такие ресурсы, как интеллект, трудолюбие, профессионализм своих граждан. В то же время государства, награжденные судьбой богатыми залежами полезных ископаемых, могут влачить жалкое экономическое существование.

Компенсаторные механизмы могут проявляться там, где есть хоть какая-то свобода выбора направлений и инструментов достижения успеха. Рыночная экономика (даже в том зачаточном состоянии, в котором она находится в России) обладает необходимыми степенями свободы, которые позволяют проявляться описанным выше компенсаторным механизмам. В данном конкретном случае они реализуются, как минимум, двумя способами. Первый: отсутствие монополизма или льгот, достигнутых коррупционным влиянием, компенсируется стандартным повышением конкурентоспособности бизнеса. Второй: под давлением конкурентов, располагающих ресурсами, добытыми коррупционным путем, бизнес меняет рынки и сферы деятельности.

Может возникнуть искушение сделать из указанных фактов один ложный вывод, примерно такой: «Коррупция безвредна, поскольку нет зависимости между нею и успехом в бизнесе». Это, действительно, вывод ложный, как минимум, по двум причинам.

Первая причина: в нем примерно столько же логики, сколько в следующих утверждениях: «Надо запретить эксплуатацию всех минерально-сырьевых ресурсов, и тогда во всех странах возникнет эффективная рыночная экономика»; или: «Надо запретить людям пользоваться теми их полезными качествами, которые можно компенсировать другими свойствами».

Вторая причина более серьезна. Она содержит в себе два существенно взаимосвязанных аргумента. Во-первых, мы рассмотрели только эффективность бизнеса, но не рассматривали эффективность работы чиновников, вовлеченных в коррупцию, эффективность коррумпированной власти. А она снижается! Более того, коррупция, точнее – ее внешние проявления, обычно называемые коррупцией, и означает неэффективность управления. А эта неэффективность угнетающе действует на всю экономику в целом. Во-вторых, речь идет о сравнительном индивидуальном успехе конкретных фирм и предприятий в рамках тех правил игры, в которых они все вместе существуют, а не эффективности экономики в целом.

Можно добиться индивидуального успеха, не погрязнув в коррупции (а можно и не добиться). Можно выбрать стратегию покупки власти, строя на ней успех бизнеса, и не добиться этого успеха (или добиться). Но эта вторая стратегия, разлагая власть и уменьшая эффективность управления, снижает уровень любого индивидуального успеха в рамках угнетенной коррупцией и потому менее эффективной экономики.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ КОРРУПЦИИ

В § 2.2 отмечалось, что коррупция может трактоваться как один из вариантов групповых стратегий поведения. В исследовании ДРК этот вопрос изучался специально. Для этого в анкете наличествовал следующий вопрос:

47. «**НЕРЕДКО МОЖНО УСЛЫШАТЬ, ЧТО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ ПОСТОЯННО СТАЛКИВАЕТСЯ С ВЛАСТЬЮ КАК С ПРЕПЯТСТВИЕМ, ЛЕЖАЩИМ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА. ПРЕОДОЛЕВАТЬ ЭТО ПРЕПЯТСТВИЕ МОЖНО ПО-РАЗНОМУ. КАКОЙ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ МЕТОДОВ ВЫ ИСПОЛЬЗУЕТЕ В СВОЕЙ ПРАКТИКЕ ЧАЩЕ ВСЕГО? Выберите не более трех ответов из числа тех, которые наиболее близки Вашей практике**».

Варианты ответов:

1. Нахожу сильного партнера в России.
2. Ищу возможность воспользоваться нашими запутанными и несовершенными законами или их отсутствием.
3. Завожу и использую полезные знакомства среди крупных чиновников, политиков, депутатов, которым я иногда помогаю.
4. Любая моя проблема имеет свою цену в наших органах власти, и я готов ее заплатить.
5. Лучшие всего двигать своих людей в органы власти.
6. Легче решать вопросы с участием иностранцев, поэтому завожу иностранного партнера.
7. Пользуюсь услугами посредников, лоббистов.
8. У нас регулируется далеко не все, и я пользуюсь отсутствием правил, чтобы достичь своих целей, не нарушая закона
9. Мне помогает участие в профессиональной ассоциации, где мы решаем наши общие проблемы.
10. Мне помогают знакомые чиновники, которым я иногда помогаю.
11. Я способствую, как могу, совершенствованию плохих законов, а пока приходится терпеть.

Поскольку респонденты могли выбирать несколько ответов, то с помощью специальной статистической техники можно было выявить наличие устойчивого выбора ответов, сходных по своему характеру. Респонденты, выбирающие сходные группы ответов, объединялись в одну группу. Каждой такой группе соответствовала своя стратегия поведения. Не все респонденты отличались последовательным и непротиворечивым выбором ответов. Такие респонденты в классификацию не включались. В результате были выделены классы респондентов, образующих следующую типологию, представленную в Таблице 2.5.4.

Таблица 2.5.4. Классы «стратегий выживания» бизнеса. В скобках рядом с названием указана численность класса

Название класса	Предпочитаемые ответы на вопрос 47	Комментарий
-----------------	---------------------------------------	-------------

«Выживать вместе» (67)	1, 6, 7, 9	Стратегия поиска партнеров
«Покупать власть» (116)	3, 4, 5, 10	Коррупционная стратегия (главным образом - захват власти)
«Быть умнее» (65)	2, 8	Легитимные усилия по использованию несовершенств действующего законодательства
«Улучшать мир» (104)	11	Сознательные усилия по улучшению несовершенной среды

Интересно установить, а что представляли собой респонденты, входящие в различные классы стратегий выживания. Таблица 2.5.5 позволяет дать приблизительное описание этих групп с помощью различных характеристик респондентов.

Таблица 2.5.5. Описание классов «стратегий выживания» бизнеса. Представлены типичные (более вероятные в данном классе, чем в других) черты представителей классов

Название класса	Описание класса
«Выживать вместе»	руководит предприятием среднего бизнеса (сотни работающих); не доверяет власти
«Покупать власть»	руководит крупным предприятием (тысячи работающих); имеет солидный личный доход; активен в захвате государства
«Быть умнее»	руководит очень маленькой фирмой (несколько человек); пассивно вовлечен в коррупцию (только откупается от чиновников)
«Улучшать мир»	женщина; имеет детей; считает покупку судебных решений наиболее опасным видом коррупции

Интересно, что среди представителей класса «Покупать власть» чаще, чем в других классах, можно обнаружить тех, кто власти не доверяет (видимо в силу близкого знакомства с теми, кого они покупают). Однако самый забавный результат был получен, когда проводилось сравнение разных классов по их обеспокоенности различными проблемами, которые они видят в качестве препятствий для своего бизнеса.

Во-первых, выяснилось, что представители класса «Покупать власть» чаще представителей других групп обеспокоены таким явлением, как, «*российские монополисты, олигархи*» и «*коррупция*».

Это выглядит, на первый взгляд, парадоксально: беспокойство вызывают себе подобные, исповедующие тот же поход к ведению бизнеса и установлению отношений с государством. Однако возможно объяснение биологического свойства: мы видим свидетельство известной закономерности: внутривидовая борьба острее межвидовой. Иными словами: конкуренция идет по горизонтали между фирмами одной «весовой категории», а не по вертикали.

Второй парадокс: беспокойство вызывает проблема, в которую эти респонденты вносят посильный вклад. Однако загадка разрешается, когда обнаруживается, что представители той же группы много чаще по сравнению с коллегами из других групп, проявляют резко повышенное беспокойство по поводу пучка проблем, связанных с неразвитостью рынка коррупционных услуг: *«Неопределенность исхода коррупционной сделки»*, *«Непредсказуемость расходов на взятки»*, *«Большие расходы на взятки»*. Этот факт сразу проясняет недоумение, возникшее чуть выше. Теперь ясно, что имели в виду под словом *коррупция* члены анализируемой группы: именно сферу коррупционных услуг, в которой они ищут решения проблем своего бизнеса. Именно выбранная ими стратегия заставляет их придирчиво подходить к тому, насколько цивилизован этот рынок, что и обнаружилось в ответах на вопрос.

Столь же интересно было обнаружить повышенное беспокойство представителей группы *«Покупать государство»* по следующему списку проблем: *«Нечестная (несправедливая) конкуренция»*, *«Уровень выплат криминальным структурам»*, *«Сращивание власти и бизнеса»*. Для объяснения этой загадки можно прибегнуть к следующей гипотезе. Тех предпринимателей, которые следуют стратегии *«покупать власть»*, тревожит нечестная (несправедливая) конкуренция на рынке коррупционных услуг. Аналогичные проблемы они видят и во взаимоотношениях со своими партнерами из криминалитета. Наконец,

по всей видимости, процесс сращивания власти и бизнеса происходит не слишком предсказуемо и требует повышенных затрат.

Для сравнения и контраста: группу «улучшать мир» более всего, по сравнению с другими, волнуют проблемы: «Нехватка продуктов питания, предметов первой необходимости», «Безработица» и «Война в Чечне».

§ 2.6. Социологическое объяснение коррупции

Здесь мы дадим краткий очерк различных социологических идей, которые могут использоваться для объяснения коррупции. Как уже отмечалось, социология коррупции только зарождается и носит, в основном, эмпирический характер. Поэтому нельзя ожидать систематичности от нашего изложения. Мы претендуем, главным образом, на то, чтобы возбудить интерес исследователей к этой проблеме. Но, кроме того, даже те попытки социологического объяснения коррупции, которые имеются на данный момент, позволяют лучше понять это явление.

ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНОЛОГИИ

Прежде всего, необходимо обратиться к криминологическим интерпретациям коррупции. Мы не имеем права забывать, что коррупция – это часть преступности. Кроме того, криминология существенно опирается на возможности социологического объяснения различных видов девиантного поведения уже очень давно. Обсудим возможности некоторых теорий преступности²².

Символический интеракционизм рассматривал криминализацию (подростков) как процесс наклеивания ярлыков, навязывания определений, что, в конечном итоге, приводит к подкреплению и стимулированию именно тех черт человека, за которые он себя винит.

²² За более подробными сведениями можно обратиться к книге: Шнайдер Г.И. Криминология – М.: Издательская группа «Прогресс» «УНИВЕРС», 1994.

В этой ситуации многое зависит от общества, от его трактовки первичной девиантности. В результате резкого осуждения и отталкивания обществом она может закрепиться и превратиться в норму для данного человека (вторичное отклонение). Но если девиантность трактуется окружающими как некоторое временное отклонение, она может сойти на нет.

Понятно, что в обществах с высоким уровнем коррупции последняя не рассматривается как криминальное отклонение от нормы. Особенно это касается взяточдателей, которые легко вытесняют свои побуждения использовать коррупцию как средство, облегчающее решение проблем, и подменяют его позицией жертвы. В этих условиях укоренение коррупционного поведения не может объясняться стигматизацией (заклеймлением) коррупционного поведения. Скорее наоборот, оно фиксируется закреплением успеха.

Есть и другие теории, которые связывают возникновение преступности с процессом социализации. Но мы должны понимать, что во власть приходят люди, уже прошедшие процесс вторичной социализации, что затрудняет прямое использование подобных теорий. Теория устойчивости анализирует индивидуальные качества людей, которые удерживают их от девиантного поведения. Однако это продуктивно, когда за точку отсчета берутся легитимные нормы общественного поведения. Но если в коррупцию, как это имеет место в России, вовлечено более половины населения, то трудно говорить о ней как об отклонении от нормы.

Неоклассическая школа рассматривает преступность как рациональное поведение, при котором преступник принимает решения, взвешивая риски, затраты и выгоды от него. Именно с этих позиций осуществляется анализ коррупционного поведения экономической теорией, что будет рассматриваться в следующей главе. Эти теории слабо работают, когда риски наказания за коррупцию крайне низки, как это бывает при масштабной коррупции. Кроме того, такие теории

трактуют только поведение взяточполучателей, но совершенно не рассматривают коррупционное поведение взяткодателей. Еще менее перспективны радикальные теории преступности, которые рассматривают преступность как следствие классовых конфликтов. Столь же затруднено использование для объяснения коррупции теорий социальной дезорганизации, поскольку они относятся к той части преступности, которая порождается социальной маргинализацией отдельных слоев общества, что трудно относить к чиновничеству.

Более продуктивными представляются идеи, развиваемые в рамках теории аномии и смежных с ней теориях. Впервые в научный оборот понятие *аномии* (отсутствия норм) ввел знаменитый французский социолог Э.Дюркгейм. Интересно, что он рассматривал преступность как естественную и неистребимую черту социального порядка, непосредственно связанную с возможностью социального развития. Заметим, что эта идея тесно корреспондируется с представлениями о функции коррупции, как средства, облегчающего модернизационные процессы. К этой проблеме мы вернемся чуть позже.

Теорию аномии разрабатывал далее Мертон, который трактовал преступность как некоторые стратегии адаптации. В терминологии Мертона коррупция может трактоваться как разновидность *аберрантного* поведения, в том смысле, который придавал этому термину Р.Мертон²³. Смысл этого понятия будет ясен из Таблицы 2.6.1, помогающей сравнить аберрантное и нонконформистское поведение. Нетрудно видеть, как в этом описании возникает вполне узнаваемая картина.

²³ См.: Merton R.K. Social Research and Practicing Profession. Cambridge: Abt Books, 1982. С.72-73. Использован перевод из: Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А.Ядова – М.: 1996. С.314.

Таблица 2.6.1. Сравнение неконформистского и аберрантного типов отклоняющегося поведения

Нонконформистское поведение	Аберрантное поведение
...объявляют о своем несогласии с социальными нормами публично и не стараются скрыть этого	...стремятся избежать публичного осуждения
...бросают вызов законности социальным нормам, которые они отрицают, или по крайней мере противостоят их применению в определенных ситуациях	...осознают законность норм, которые они нарушают, но считают такое нарушение приемлемым для себя
...стремятся заменить морально подозрительные, с их точки зрения, нормы теми, которые кажутся им морально обоснованными	...стремятся, в первую очередь, избежать наказующего воздействия существующих норм, не предлагая им замены

Естественно предполагать, что коррупционное поведение официальных лиц и обычных граждан в условиях аномии может объясняться различными причинами и различными теориями. Так, теория конфликта объясняет девиантное поведение наличием социальных конфликтов, начиная от классовых, и кончая групповыми. Конфликты неизбежны и являются одной из форм разрешения социальных противоречий. Эта теория применима для объяснения политической коррупции. Конфликт культур может приводить к противоречию трактовок социальных отношений сторонами взаимодействия. Этот аспект коррупции будет рассматриваться ниже.

Интернализация конфликта порождает ситуацию внутреннего конфликта ценностей и интересов, что также порождает девиантность. В частности, коррупционным проявлениям способствуют ситуации конфликта интересов, что непосредственно вытекает из агентской модели, описанной в главе 1. Помимо этого, как отмечалось выше, такая разновидность коррупции, как nepotизм, может порождаться конфликтом лояльностей. Эта ситуация была явным образом обнаружена в одном из социально-психологических экспериментов,

проводившихся в Фонде ИНДЕМ²⁴. К тому же кругу явлений может быть применима теория социальной связи.

Теория обучения, при всей ее механистичности, порожденной бихевиористскими корнями, может применяться для объяснения переноса коррупционных практик в социальных группах, как среди взяткодателей, так и среди взяткополучателей. В связи с этим кругом явлений возникает важнейшая проблема «дефлорации» – принятия должностным лицом решения о вступлении в первую в его жизни коррупционную сделку. Эта совершенно неизученная пороговая проблема имеет большое значение для формирования антикоррупционной политики.

К сожалению, применение криминологических теорий к объяснению коррупции пока находится в зачаточном состоянии.

АНАЛИЗ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ВЗЯТКОДАТЕЛЕЙ

До сих пор теоретическое объяснение коррупции сосредоточивалось на роли взяткополучателя – агента. Этой стороне коррупции посвящена агентская модель. Этим же занимаются экономические теории коррупции, описанные в главе 3. Однако нельзя преуменьшать роль взяткодателя. Его социальное поведение может описываться, естественно, различными способами. Рассмотрим некоторые из них.

Во многих случаях взятка для взяткодателя является формой установления власти над должностным лицом, которому предлагается взятка. Для обоснования этого тезиса воспользуемся трактовкой понятия власти, применявшейся американскими исследователями Тибо и Келли²⁵. Многое станет яснее, если упомянуть, что они рассматривали власть в одном из ее многочисленных выражений:

²⁴ Этот эксперимент проводился экспертом Фонда ИНДЕМ психологом В.А.Петченко. В нем студенты имели возможность оценивать учебную активность друг друга. Аналогом коррупционного поведения был, к примеру, сговор с целью взаимного выставления высоких оценок.

²⁵ См.: Thibaut J.W., Kelly H.H. *The Social Psychology of Groups*. New York: Wiley, 1959. P.103.

контроля над поведением другого лица. В этом смысле власть актора А над актором В трактовалась как возможность А варьировать свое поведение таким образом, чтобы у В возникало желание также изменить свое поведение.

Нетрудно видеть, что ситуация коррупционной сделки подпадает под это определение. Действительно, у клиента А есть возможность варьирования поведения: давать или не давать взятку. Используя вторую возможность, А может (подчеркиваем – может, поскольку возможны и иные мотивы коррупционного поведения взяткодателя) рассчитывать на изменение поведения взяткополучателя В. Более того, А дает взятку именно в расчете изменить поведение В, например – повысить вероятность благоприятного решения своей проблемы.

Очевидно, что этот мотив выступает в своей предельно выраженной форме в случае частного вида деловой коррупции – захвата государства, но такой мотив не исключен и в бытовой коррупции. На это указывают данные опроса граждан в исследовании ДРК, связанные с анализом эмоциональных реакций от коррупционной сделки. Обратимся к приведенной выше Таблице 2.5.3 и обнаружим, что существует весьма значимая доля респондентов, ответы которых могут свидетельствовать о том, что они руководствовались мотивами установления власти над должностными лицами с помощью взятки. Ответ: *«Удовлетворение тем, что удалось чиновника заставить работать на себя»* выбрали 12,8 % респондентов из числа дававших взятку, а ответ: *«Удовлетворение собой, своим умением решать свои проблемы»* – в 11,7 %.

Мотив осуществления власти в коррупционной сделке – отнюдь не красивая метафора. Напротив, такое рассуждение позволяет сделать важные практические выводы.

Первый. Вступление взяткодателя в коррупционную сделку под влиянием мотива осуществления власти над должностным лицом может означать, что отсутствуют легальные и открытые механизмы

осуществления власти гражданина (группы граждан) над чиновником (чиновниками), как это и должно быть в демократическом обществе.

Второй. Проектируя антикоррупционные мероприятия, мы, следуя общему принципу компенсации мотивов и интересов, должны, блокируя возможности вступления в коррупционные сделки, предоставлять гражданам возможности осуществления власти над должностными лицами в форме общественного контроля над работой властных институтов или индивидуальной апелляции в случае столкновения с внеправовым поведением последних.

Рассмотрим теперь другой мотив, порождающий коррупционное поведение взяточдателей. Замечательный американский социолог Г.Мид утверждал, что социальное (в данном случае точнее и конкретнее – коммуникативное) поведение человека зависит от его рефлексии роли партнера в коммуникации. Это важное обстоятельство имеет непосредственное отношение к коррупционным взаимодействиям, как частному случаю социальной коммуникации. В частности, готовность гражданина, попавшего в коррупционную ситуацию, зависит от его представления об «обобщенном чиновнике». Например, те, кто убежден в справедливости клише, описывающего чиновников словами «берут все», с большей готовностью будут вступать в коррупционную сделку (давать взятку). Этот факт легко проверяется с помощью данных исследования ДРК. В анкете этого исследования был следующий вопрос:

«А КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, СОТРУДНИКИ РАЗЛИЧНЫХ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ, С КОТОРЫМИ НАМ ПРИХОДИТСЯ ЧАСТО ИМЕТЬ ДЕЛО - НАПРИМЕР, МЭРИЯ, УПРАВА, СОБЕС, ЖИЛОТДЕЛ И Т.П., БЕРУТ ВЗЯТКИ ИЛИ НЕТ? КАК МНОГО ТАКИХ ЛЮДЕЙ?».

Оказалось, что респонденты, выбравшие наиболее радикальный ответ *«Большинство людей в местных органах власти берут взятки»*, существенно чаще других прибегают к коррупции для решения своих проблем.

Из этого эмпирического вывода, основанного на теоретических предположениях, вытекает важный вывод для антикоррупционной политики. Он касается роли прессы, которая очень любит прибегать к указанному выше клише «берут все». Широко распространяемое, оно формирует устойчивое представление об образе должностного лица, способствующее активной коррупционной практике взяточдателей. Эта же привычка прессы порождает и другой эффект, связанный с отмеченной выше проблемой «дефлорации»: начинающий чиновник, убежденный прессой в том, что «берут все», легче преодолевает барьер первой взятки.

Рассмотрим еще один мотив вступления в коррупционное взаимодействие. Для этого, в качестве яркой иллюстрации, воспользуемся Примером 4 («Деревенские старики») из § 1.2. Для анализа²⁶ введем следующие понятия, описывающие некоторые типы социальных отношений.

Отношение дарения возникало в первобытных общностях. Единство и защищенность племени обеспечивалось постоянными связями между его членами. В силу этого услуги, пища, предметы переходили от одного члена общины к другому не в порядке обмена, а в рамках отношений дарения. Конкретное дарение символизировало, во-первых, что тот, кто получает дар, является полноценным членом сообщества. Тот, кто дарит, фактом дарения подчеркивает свою принадлежность к группе, ее установлениям, ее морали, если угодно. Дарение одобряется, отказ от него порицается. Дарение сопровождается положительными эмоциями, поскольку оно означает очередное подтверждение принадлежности сообществу (а без него выжить нельзя). Дарение означает, что тот, кто подарил, может также рассчитывать на подарок, когда возникнет необходимость. Дарение – самый древний вид отношений, но он сохраняется до сих пор.

²⁶ Излагается по статье: Сатаров Г.А. Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции / Общественные науки и современность. 2002, №6. С.18-27.

Отношения дарения могут, модифицируясь, охватывать большие группы. Так возникает клиентизм или блат. В более или менее чистом виде отношения дарения сохраняются ныне в патриархальных группах, в частности – на селе.

Отношения обмена стали возникать по мере интенсификации контактов между племенами. Далее в их развитие внес вклад процесс социальной сегментации. Пожалуй, главное качество отношений обмена, отличающее их от дарения, – это их случайность и неустойчивость. Как правило, вы совершаете покупки в разных магазинах, у разных продавцов, не заводя знакомств. В таких условиях не могут развиваться эмоционально окрашенные межличностные отношения. Главное здесь – общепринятая процедура. Если же мы попадаем в условия небольшой общины, между продавцами и покупателями могут возникать отношения, превышающие процедурную сухость стандартного обмена.

Внимательный читатель может обратить внимание, что различия между отношениями дарения и обмена хорошо соотносятся с двумя типами коррупции, которые в § 2.2 названы «азиатской» и «западно-европейской».

Третий тип отношений укоренялся по мере развития государства и осознания того факта, что государство – это институт оказания определенных услуг его гражданам. Эти отношения – *отношения услуги*²⁷ – выглядят следующим образом. Сначала граждане «дарят» государству свои налоги. Эти налоги идут на то, чтобы оказывать гражданам определенные услуги. Для этого нанимаются другие граждане, которых называют должностными лицами. Гражданин приходит к должностному лицу, когда у него возникает некоторая потребность, и обе стороны вступают в отношения услуги. При этом незримо присутствует третья сторона – государство, которое

²⁷ В этом смысле данный термин впервые, как кажется, использовал Бентам (найденно в кн.: Сорокин П. Преступление и кара. **ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ**.С.155.).

оплачивает (деньгами гражданина) услуги, оказываемые этому гражданину должностным лицом.

Пример 4 поучителен тем, что его герои (старики, конечно) абсолютно не воспринимают себя находящимися в рамках отношения услуги. Для них свершившееся – не акт правосудия, а торжество справедливости (что традиционно для российского сознания). Объясняя жене причину справедливого решения, Ефим говорит про судью: «Фронтвик, его по глазам видно». Тем самым он причисляет судью и себя, потерявшего ногу под Москвой, к одной группе, причем очень важной. Отсюда решение судьи – это акт дарения. А значит, он должен быть отблагодарен. По форме – это отношение обмена, а по эмоциональной нагрузке и ее направленности – типичное отношение дарения. Мгновенность вознаграждения «за доброе дело» вызвана не условностями отношений обмена, а опасениями, что потом не будет возможности отблагодарить. А главное, надо было поддержать судью, чтобы у того не пропала охота делать добрые дела. Таким образом, ответное дарение, которое собирался осуществить Ефим, предназначалось не только судье, но и тем хорошим людям (в частности, фронтвикам), которых придется еще судить судье.

Между тремя перечисленными видами отношений есть принципиальные различия. Отношения дарения – наиболее древние, укорененные. Наличие в них третьей стороны наименее заметно, ибо мораль, управляющая ими, рефлексирована слабо и воспринимается без напряжения, почти на бессознательном уровне. Наконец, они позитивно эмоционально окрашены, а потому максимально комфортны.

Следующие по древности обычая – отношения обмена. Они привычны, поскольку человеческий быт пронизан ими, но не носят постоянного характера, а потому не имеют эмоциональной окраски. О наличии третьей стороны (институтов, охраняющих процедуры

обмена) вспоминается только тогда, когда отношения осложняются каким-либо конфликтом.

Отношения услуги существенно отличаются от двух первых. Во-первых, они самые молодые. Во-вторых, они мало привычны, поскольку граждане сталкиваются с властью несопоставимо реже, чем ходят в магазин или обращаются за помощью к родственникам. В принципе, они должны быть эмоционально нейтральны, но традиция, увы, такова, что контакты с властью, как правило, вызывают негативные эмоции. А самое главное, большинством граждан России отношения услуги практически не осознаются в качестве таковых.

Действительно, российскому массовому сознанию, традиционному в его основе, непривычно представлять государство, а следовательно, и каждого его представителя, как институт, существующий благодаря налогам граждан. Так же трудно вспомнить, что нужные услуги и труд чиновника по их предоставлению заранее оплачены из тех же налогов. На взаимной основе должностные лица также полагают в большинстве случаев, что, оказывая услуги гражданам, они делают им одолжение, заслуживающее вознаграждения. В Таблице 2.6.2 дается сравнение трех перечисленных отношений. Сравнивается не их нормативная составляющая, а реальная практика на примере России и подобных ей стран. Кроме того, речь идет о рутинной бытовой коррупции.

Таблица 2.6.2. Сравнение отношений дарения, обмена и услуги (в условиях бытовой коррупции)

Аспект отношений	Тип отношений		
	Дарение	Торговая сделка (обмен)	Услуга
<i>Участники</i>	Даритель и принимающий подарок	Продавец товара (услуги) и покупатель	Агент (представитель государства) и клиент (налогоплательщик)
<i>Определенность и взаимная рефлексия ролей</i>	Роли определены универсальностью отношения и традицией	В стандартной и наиболее распространенной ситуации роли четко определены и взаимно рефлексированы	Агенты чаще всего не видят в клиентах представителей верховного принципала, нанимателя. Часто клиенты не осознают суть отношения услуги
<i>Координация целей</i>	Цели неконфликтны	Цели не совпадают: продавец хочет продать подороже, покупатель - купить подешевле. Значит, есть конфликт целей	Цели несимметричны и слабо координируются даже в нормативной ситуации
<i>Возможность и последствия неудачи</i>	Неадекватность поведения может быть чревата нарушением отношений между сторонами	В норме, в конкурентной среде, отказ от покупки у конкретного продавца не означает отказа от решения проблемы: можно выбрать другого продавца.	Могут быть важны только для клиента
<i>Готовность к взаимодействию</i>	Это стандартная часть традиционных отношений	Если покупатель хочет вступить в сделку на предлагаемых ему условиях, то сделка обязательно состоится в силу заинтересованности в ней продавца.	Сильно варьируется от типа клиентов и рынков услуг
<i>Аффективность</i>	Положительная	Нейтральная	Отрицательная
<i>Автономность</i>	Интересы третьей стороны обычно не затрагиваются	В норме, при отсутствии дефицита, например, конкретная сделка не затрагивает интересов третьих сторон (кроме конкурентов продавца)	Нанося ущерб третьей стороне (см. Гл.1), стороны не осознают этого

Из Таблицы 2.6.2 видно, что три сравниваемых отношения отличаются весьма значимо. Различие между ними может быть представлено в виде некоторой иерархии, в соответствии с которой люди стараются преобразовать одни отношения к другим. Эта иерархия образуется некоторым общим параметром, описывающим все три типа отношений, который условно можно назвать комфортностью. Различия в комфортности определяются рядом обстоятельств, среди которых, возможно, первое – эмоциональная направленность межличностных отношений. Следующее – влияние норм. В случае отношений дарения нормы предельно интериоризированы; в случае отношений обмена они (в современном обществе) привычны; в случае отношений услуги они (в том же современном обществе) относительно мало привычны, обременительны и воспринимаются как внешние по отношению к взаимодействию. Следует упомянуть и простоту воспроизведения норм поведения, также влияющую на комфортность практики взаимодействия.

Теперь можно сформулировать следующее утверждение:

Утверждение 2.6.1

В отсутствие внешних ограничений люди стремятся свести менее комфортные отношения к более комфортным.

Так, если есть возможность, то отношения услуги пытаются свести к отношениям обмена или дарения, а отношения обмена – к отношениям дарения.

Теперь легко объясняется готовность к подношению в рассказе Шукшина, использованном нами для иллюстрации. Во-первых, речь идет о культуре, близкой к патриархальной, в которой отношения дарения являются доминирующими. В соответствии с выдвинутой гипотезой и практикой, отношения обмена в такой культуре также стараются свести к отношениям дарения. Государство внушает трепет,

пугает. Посредник, третий агент взаимодействия, просто не видится в силу узкого горизонта патриархальной культуры с ее закрытостью, ориентацией на внутренние нормы. Это подстегивает, как мы наблюдали в приведенном литературном примере, трансформацию акта услуги, которая отнюдь не воспринимается как услуга теми, кто должен ее получить, в акт дарения. Взятка, подарок в этом случае – ритуал, помогающий создать эмоционально комфортные взаимоотношения. Фактически, взятка здесь – плата не только за оказанную услугу, но и за возможность обрести душевный комфорт, оказавшись в привычной системе отношений. Логика рассуждений примерно такова: «Человек сделает мне доброе дело. Он будет стараться, а мог бы и не стараться. Он сделает это для меня. Я не могу не отблагодарить. Он тогда будет стараться всегда. Это хорошо. Я сделаю доброе дело».

Попадание в привычную систему отношений почти автоматически сопровождается при этом положительными эмоциями. Итак, в рассматриваемом здесь случае позитивная эмоциональная реакция вызвана не коррупционной сделкой, а успешной попыткой перевода некомфортных отношений в комфортные, отношений услуги в отношения дарения. Наконец, проявляя инициативу в этой сделке, герой Шукшина действовал в роли агента-коммивояжера отношений дарения в той ситуации, когда они были не вполне уместны. Но одновременно, тем самым, он был агентом коррупционных отношений. Одновременно получают свое объяснение экспериментальные факты, изложенные в предшествующем параграфе, о том, что представители патриархальной культуры чаще, по сравнению с представителями современной культуры, проявляют инициативу и испытывают позитивные эмоции в коррупционных сделках.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МАКРООПИСАНИЯ КОРРУПЦИИ

Как уже отмечалось, коррупция проявляет себя различным образом и в разных качествах на разных уровнях социального порядка. Переход к объяснению коррупции с одного уровня на другой сопряжен с опасностью уподобления эффектов разных уровней. Приведем понятный физический пример. Можно пытаться, к примеру, объяснять расширение газа при нагревании расширением молекул, образующих газ. Некоторым контраналогом такой заведомой физической нелепости при описании социальной реальности может стать понятие *непреднамеренных последствий*, введенное классиком английской социологии А.Гидденсом²⁸, которое он использовал как раз для перехода с уровня социального действия на уровень анализа социальной системы. Гидденс отделяет действия от намерений и говорит о том, что последствия конкретных социальных действий, выявляемые на высоком уровне социальной интеграции, могут не осознаваться акторами или не соответствовать намерениям исходных действий акторов. Любимый пример, нередко приводимый социологами, – огромная дорожная пробка, возникающая в час пик из-за того, что каждый водитель пытается проехать побыстрее, обгоняя других.

В § 2.2 говорилось, что коррупция может рассматриваться на уровне стратегий поведения больших социальных; в числе таких стратегий рассматривалась стратегия адаптации. Рассмотрим подробнее пример функционирования такой стратегии на уровне одного института – высшего образования.

В § 2.4 отмечалось, что бытовая коррупция в высшем образовании – рекордсмен по масштабам. Следует иметь в виду, что коррупция в вузах бытовала в разных масштабах и в советские времена. Однако переходный период способствовал ее росту. Два фактора подтолкнули бурный рост вузовской коррупции. Первый –

²⁸ См.: Giddens A. The Constitutions of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkeley: University of California Press, 1984.

относительное обнищание профессорско-преподавательского корпуса. Реальное, выплачиваемое от имени государства, денежное содержание было несопоставимо ниже того, что выплачивалось в советские времена. Второе – Чеченская война резко повысила спрос на высшее образование для мальчиков, поскольку вуз рассматривался как одно из удобных средств спасти ребенка от высокого риска погибнуть в Чечне. В результате резкое увеличение спроса со стороны населения на образование совпало с неизбежной на фоне обнищания готовностью преподавательского корпуса прибегать к коррупции.

Снижение государственного бюджетного обеспечения высшего образования сопровождалось в переходный период увеличением числа каналов оттока квалифицированных кадров из вузов. Многие начали искать себя в бизнесе, многие начали уезжать за рубеж. В этих условиях коррупция фактически явилась средством, которое сохранило преподавательский корпус высшего образования от полного исчезновения. Однако не следует в данном случае торопиться трактовать эффект коррупции как позитивный. Ведь одновременно со стабилизацией кадрового состава вузов начинают действовать, минимум, два важнейших негативных эффекта, которые можно отнести к категории непреднамеренных последствий.

Во-первых, вузы с их масштабной коррупцией, с возможностью поступать, сдавать экзамены, получать дипломы не за знания и талант, а за взятки, начинают действовать как институты *коррупционной социализации*. Молодые люди, заканчивая вуз, привыкают к тому, что коррупция – нормальный и удобный инструмент либо решения своих проблем, либо обогащения. Данные исследования ДРК подтверждают это заключение: чаще всего активная установка на коррупцию и практическая вовлеченность в коррупцию встречаются в возрастном диапазоне респондентов от 18 до 25 лет – т.е. в вузовском и поствузовском возрастах.

Во-вторых, как убедительно показывают глубинные интервью, проведенные Клямкиным и Тимофеевым²⁹, коррупция в вузах, сохраняясь, вырастая и укореняясь, приобретает формы организованных коррупционных сетей. Развивая ранок коррупционных услуг, эти сети вытесняют профильную деятельность высшего образования – профессиональную социализацию, отбор и продвижение наиболее способных и талантливых. Попасты и окончить вуз все больше и больше имеют шансы не те, кто этого достоин, а те, кто в состоянии заплатить. Это может иметь катастрофические долговременные последствия: деинтеллектуализация и депрофессионализация нации.

Разобранный выше пример имеет две морали. Первая, отмеченная выше, касается проблемы непреднамеренных последствий. Мы видим, что конечные непреднамеренные последствия коррупции на высоких уровнях социальной организации, как правило, носят негативный, если не разрушительный, характер.

Вторая мораль касается взаимодействия коррупции и легальных институтов. Мы видим на примере высшего образования, что коррупция образует с последним отношения вроде *симбиоза*. С одной стороны, коррупция способствует сохранению института. С другой стороны, институт защищает привитые коррупционные отношения. Одновременно указанный симбиоз приводит к перерождению института, к которому прививается коррупция, видоизменяет цели его функционирования с точки зрения более высоких уровней социального порядка.

Другой социологический взгляд на коррупцию может дать понятие жизненного мира, восходящее к философии Гуссерля, и развивавшееся в социологии Шюцем³⁰ и Хабермасом³¹. Речь идет о

²⁹ См.: Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Указ. соч.

³⁰ См.: Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. М. Изд-во МГУ, 1994.

регулировании повседневной социальной практики посредством «очевидных», подразумеваемых по умолчанию представлений, общих, согласно этим представлениям, для взаимодействующих индивидов.

Применительно к коррупции нас может интересовать степень укорененности коррупции в системе всех социальных отношений, выражаемая превращением ее в часть жизненного мира. Об этом свойстве коррупции можно судить, в частности, по таким эмпирическим индикаторам, как ответы на вопросы анкеты. Пример такого индикатора приведен в Таблице 2.6.3.

Таблица 2.6.3. Частоты ответов респондентов-граждан на вопрос «ПО ЧЬЕЙ ИНИЦИАТИВЕ, ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ ВАМ ПРИШЛОСЬ ДАВАТЬ ВЗЯТКУ ЧИНОВНИКУ?» исследования ДРК (проценты подсчитаны от числа граждан, пошедших на коррупционную сделку при последнем столкновении с коррупционной ситуацией – 760 респондентов 37,7 % выборки)

Варианты ответа	Всего
Чиновник намекнул, заставил, создал для этого ситуацию	17,4
Мне было известно заранее, что здесь без взятки не обойтись	57,2
Чиновник не настаивал на взятке, но я решил, что так надежнее	20,3
Затрудняюсь ответить или Отказ от ответа	5,1

Характерен второй ответ, соответствующий презумпции самоочевидности коррупции при взаимодействии с представителем власти. В этом убеждены почти 60 % респондентов, идущих в коррупционной ситуации на сделку. Следующие данные характеризуют не практику граждан, а их оценки.

Таблица 2.6.4. Частоты ответов респондентов-граждан в вопросе «КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ПО ЧЬЕЙ ИНИЦИАТИВЕ И ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ ЛЮДИ, КОТОРЫХ ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧАЩЕ ВСЕГО ДАЮТ ВЗЯТКУ ЧИНОВНИКУ?» исследования ДРК (проценты подсчитаны от всей выборки)

Варианты ответа	Всего
------------------------	--------------

³¹ См.: Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2, Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1987.

1. Чиновник заставляет, намекает или создает для этого ситуацию	34,6
2. Граждане сами проявляют инициативу	7,0
3. Обе стороны заранее знают, что взятка общепринята в этой ситуации	34,2
4. Другого способа решения проблемы просто не существует	13,3
5. Затрудняюсь ответить или отказ от ответа	10,9

Здесь видно, что более половины респондентов считают коррупционную практику самоочевидной. Этой убежденности соответствует выбор ответов от второго до четвертого.

Итак, по ответам на эти два вопроса мы видим, что коррупция воспринимается гражданами как некоторая естественная, само собой разумеющаяся часть социального порядка, жизненного мира граждан.

Другое понятие социологии, которое может адекватно описывать такую ситуацию – *фоновые практики*³². Так именуется совокупность принятых в культуре традиционных способов деятельности, навыков обращения с различными предметами (в общем смысле этого слова). Фоновые практики проявляются в языке в виде метафорических, аллюзивных пословиц и поговорок. В случае коррупции это, к примеру, «Не подмажешь, не поедешь» – ясно, что это не часть инструкции по эксплуатации телег или карет. Или «Бери, но знай меру» – а это не из правил поведения за столом. Это все своеобразная аксиоматика культурно-практического фона, свидетельствующая о том, что коррупция привычна, естественна, составляет часть жизненного мира и входит в набор фоновых практик.

Представляется, что между коррупционными проявлениями как фоновыми практиками и непреднамеренными последствиями коррупционных практик на макроуровне можно выстроить исследовательский мост, который поможет разобраться в механизме действия коррупции как явления. Однако это касается бытовой коррупции.

³² См.: Волков В.В. О концепции практик в социологических науках // Социологические чтения. Вып.2. М. – 1997.С.27-49.

В заключение необходимо остановиться на проблеме коррупции, возникающей в результате столкновения и взаимопроникновения различных культур. Для этого вернемся в патриархальное общество, в котором коррупция является универсальным культурным феноменом, имеющим, по нашим строгим меркам, характер скорее пограничного явления, нежели явной коррупции. Эта размытая, неопределенная зона образуется сферой действия описанного выше отношения дара (дарения).

Анализируя этот тип отношений, Мосс³³ приводит свидетельства того, что даже «чистый дар» не свободен от элементов оплаты за некоторые услуги, будь то траурное ночное дежурство или сексуальные контакты супругов. Кроме того «ответный дар» выполняет не только функцию оплаты за услуги, но и создает основу для поддержания дальнейших отношений. Это типичное проявление несовершенства любых социальных установлений. Они не имеют четких границ, плавно перетекают из одних в другие, и эта размытость создает условия для коррупции.

В случае патриархальных коррупционных отношений мы можем еще раз убедиться в свойстве коррупции образовывать описанный чуть выше симбиоз с существующими социальными структурами; в данном случае с действующими социальными отношениями, например – отношением дарения. В связи с этим Алатас отмечает: «Коррупция, как растение-паразит, обвивается вокруг любой надежной основы, удовлетворяющей ее целям; из всех подобных основ институт подарка – самый очевидный»³⁴. Автор подчеркивает, что подарок как универсальное отношение присущ как западным, так и восточным обществам, и часто является основой официального

³³ См.: Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1966. С.201.

³⁴ Alatas S.H. Op.cit. P.42.

функционирования публичной службы. Рассмотрим приведенный Алатасом пример работы вьетнамской администрации до прихода в страну французов.

«Администрация была организована таким образом, чтобы стоять как можно меньше и минимальным образом вмешиваться в социальную жизнь. Этот двойной принцип вытекал из идеи добродетели как основы административного действия. Вообще говоря, правительство требовало какой-либо платы от граждан только тогда, когда она была необходима для функционирования администрации. Такая плата была первоначально добровольной, когда у гражданина возникала потребность в какой-либо услуги мандарина как официального лица. Позднее эта плата стала обязательной и унифицированной. Королевские указы устанавливали точно размер и качество подарков, которые власти коммун или кантонов должны были делать мандарину округа... Подобным образом подарки делались мандаринами своим начальникам, и так наверх по вертикали до короля. Следует заметить, что поток подарков был обратим: несколько реже и более торжественно король посылал подарки своим мандаринам высшего ранга, те – своим подчиненным, и так дальше вниз вплоть до последней ступени административной лестницы»³⁵.

Алатас указывает на то, что различало подобный институт подарка как формы экономического обеспечения публичной службы и коррупцию:

- подарки дарились открыто;
- это не было нарушением публичных обязанностей;
- подарки были формой государственного дохода и помогали вести учет должностных лиц;
- это не было присвоением бюджетных средств или вымогательством публичных.

Однако следует признать, что точка зрения Алатаса несет некоторый элемент идеализации традиционных отношений, в том числе – подарка. Так, он сам ниже приводит свидетельства отрицательного отношения к подарку в различных культурах. Эта книга открывается цитатой из Библии, призывающей опасаться

³⁵ Nghiem Dang. Vietnam, Politics and Public Administration. Honolulu: Eas-West Center Press, 1966. P.268.

подарков. В цитированной выше работе Мосса указывалось на то, что в германских языках слова подарок и яд являются однокоренными и приводятся соответствующие сюжеты из германского и кельтского фольклора. То же касается и восточных культур, свидетельства чему приводит сам Алатас³⁶.

Проблема в том, что подарок является примером пограничной зоны, которая отделяет легитимные отношения от коррупционных. Поэтому, когда французская администрация начала внедрять во Вьетнаме новые принципы функционирования местной администрации, это стало разрушать уже существовавшие пограничные зоны, и коррупция резко увеличилась.

Приведенный пример иллюстрирует распространенный эффект роста коррупции в процессе модернизации. Обычно модернизация заключается в процессе переноса политических, правовых и экономических институтов западных демократий на принципиально иную социальную почву. Предполагается, что новые формальные нормы, задаваемые этими институтами, должны влиять на изменение укорененных ранее норм.

Однако реальная жизнь демонстрирует, что импортируемая нормативная модель уродуется и отторгается, реформы буксуют или превращаются в свою противоположность. Вдруг оказывается, что нормы, предназначенные для поддержки многопартийности, создают черный рынок торговли депутатскими креслами, институт банкротства превращается в орудие террора против успешных предприятий; открытие рынка инвестиций физическим лицам становится одним из инструментов «недружелюбного поглощения» чужого бизнеса и т.п. И все перечисленные эффекты сопровождаются ростом коррупции или выражаются в этом росте. Как справедливо отмечал нобелевский лауреат Дуглас Норт, «хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений,

³⁶ Alatas S.H. Op.cit. P.61.

неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям»³⁷. Правда, одновременно он полагал, что новые нормы влияют на старые, «подтягивают» их. Однако реальность оказывается сложнее.

Проблема в том, что формальные институциональные изменения приводят к двум эффектам. Первый – старые неформальные нормы и практики агрессивно сопротивляются внедрению новых формальных норм, искажают последние в процессе их исполнения и приспособливают к своим нуждам. Второй – появляются новые неформальные нормы и практики, которые помогают первому эффекту: сопротивлению внедряемых новых формальных норм и институтов. Таким образом, старые неформальные нормы и практики не пассивно ждут благотворного воздействия новых институтов, но, напротив, активно сопротивляются последним. Именно в зазор между новыми формальными нормами и старыми неформальными нормами и практиками внедряется коррупция как инструмент указанного выше сопротивления. Чем масштабнее институциональные перемены и, следовательно, чем больше зазор между «старым и новым», тем больше простор для роста новых форм коррупции.

Таким образом, коррупция в переходных странах становится индикатором неэффективности институциональных реформ. Следовательно, изучение коррупции – необходимое условие повышения их эффективности. Значит, главная задача социологии коррупции – *изучение взаимодействия между новыми институтами и старыми неформальными нормами и практиками.*

Коррупция – один из видов социальных отношений. Поэтому ее социологическое изучение – неизбежность. И в силу практической важности этой задачи, и в силу несомненного научного интереса

³⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики \Пер. с англ. — М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997. С.21.

можно ожидать, что появление социологии коррупции как отдельной отрасли социологии – дело ближайшего времени.